

МИХАИЛ ВОСТРЫШЕВ

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВИЧЕЙ ИЗ ВЕКА В
ВЕК

Московский путеводитель

Михаил Вострышев

**Частная жизнь
москвичей из века в век**

«Алгоритм»

2007

УДК 908(470-25)
ББК 63.3(2)-Москва

Вострышев М. И.

Частная жизнь москвичей из века в век /
М. И. Вострышев — «Алгоритм», 2007 — (Московский
путеводитель)

ISBN 978-5-9265-0360-6

В книге открывается полная картина московского быта XVI – начала XX века. Это управление городом, создание и совершенствование охраны порядка, характерные преступления и работа полицейского сыска, развитие медицины и спорта, клубная жизнь и торговые обычаи, православные праздники и народные гулянья... Москва была единственным городом, где можно было дать детям русское воспитание, внушить любовь к Отечеству, родному языку. Писатель, сравнивая увлечения москвичей дореволюционного времени и их далеких предков, показывает город в его постоянном развитии.

УДК 908(470-25)
ББК 63.3(2)-Москва

ISBN 978-5-9265-0360-6

© Вострышев М. И., 2007
© Алгоритм, 2007

Содержание

Сердце России	6
Власть	13
Боярская дума и Земский собор	19
Городская дума	24
Жилище	29
Изменчивость погоды	37
Водная гладь	44
Сословия	49
Дворянство	49
Купечество	52
Простолюдин	55
Иностранцы	57
Столица просвещения	65
Наука врачевания	71
Конец ознакомительного фрагмента.	80

М. И. Вострышев
Частная жизнь москвичей из века в век

© Вострышев., 2007

© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

Сердце России

*Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!*

А. С. Пушкин

Москва – всем городам мать. Москва – царство. Москва не город, а целый мир. Москва у всей Руси под горой – в нее всё катится. Из Москвы, как с большой горы, всё видно. Кто в Москве не бывал – красоты не видал. Москва – сердце России.

Так говорил народ. Значит, эти поговорки – не пустые фразы, а житейская мудрость, накапливавшийся веками опыт русского человека.

Исполинским амфитеатром нависают над центром столицы Воробьевы горы. Прямо под ними, на пойменном левом берегу Москвы-реки, раскинулся самый крупный в России стадион «Лужники». А еще каких-нибудь лет сто назад там, в Лужнецкой слободе, были лишь огороды да знаменитый Вавилон-колодец – *морское ухо*, которое, по местному преданию, со временем затопит весь город. Чуть левее – Новодевичий монастырь, чья история тесно связана с возвышением Московского государства и превращением его в мощную империю. На дальнем плане дугою встали высотные дома середины XX века, а среди облаков парит шпиль Останкинской телебашни. А вот и Кремль – золотая корона города на Боровицком холме, сверкающая куполами старинных соборов.

Множество мест первопрестольной столицы имеет свой неповторимый, милый сердцу отпечаток. На правом, низком, берегу Москвы-реки, в ее излучине, напротив древнейшего центра города, раскинулось Замоскворечье со своими невысокими причудливыми домиками, выстроенными купцами и мещанами, со знаменитой Третьяковской галереей, множеством торжественных храмов в тихих переулочках. Здесь *особая страна*, как выразился уроженец Замоскворечья А. Н. Островский.

Москва со своими парками и бульварами, прудами и речками, дворянскими особняками и дворами жилых домов создает самобытную, живописную, ни с чем не сравнимую панораму. Кусково, Останкино, Измайлово, Ховрино, Косино, Арбат, Крутицы... Нет, невозможно перечислить все городские окрестности, в которых сохраняется дух славного прошлого России. Русскую историю здесь можно изучать, прохаживаясь по переулкам, разглядывая старинные дома и храмы, вникая в смысл названий улиц и площадей.

По правую сторону от Кремля через Москву-реку перекинулся каменный мост, а по левую – деревянный. С них хорошо видны старинные русские монастыри, в давние времена вставшие полукругом настороже центра Московии от западных, южных и восточных соседей, время от времени любивших пополнить свою казну русскими рабами и русским хлебом. Когда же Россия окрепла и отпала нужда в толстых крепостных стенах, в монастырях расположились богадельни, инвалидные дома и даже *места заключения*, изрядно потеснив ворчливых монастырских служителей.

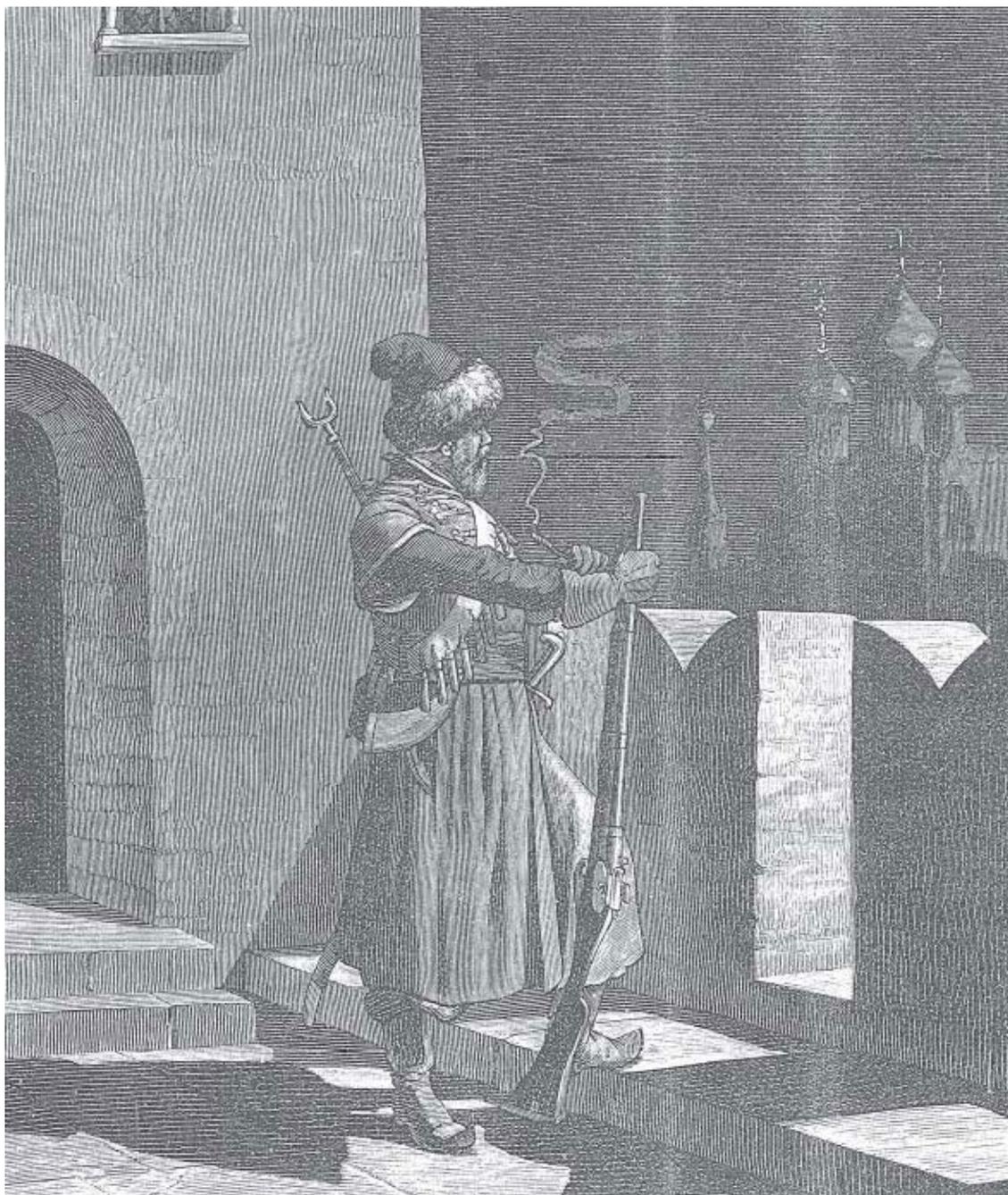
Но прошлое продолжало жить за монастырскими стенами. Любопытным иноземцам и московской празднующейся публике в Новодевичьем с гордостью показывали келью, где у своей сестры жил отрекавшийся до поры до времени от престола боярин Борис Годунов. В Андрониковом провожали в храм Покрова, расписанный великим Рублевым. В Симо-

новой указывали на Старую обитель, где покоится прах иноков – героев Куликовской битвы – Пересвета и Осляби.

В Москве нередки чудаки, свято хранящие память о прошлом, по камням минувших веков читающие стародавние были о славных подвигах и подлых деяниях своих предков. И удивительное: слушая предания о минувшем, нет-нет да и вспомнится нынешний день, и не всегда в пользу последнего. Случается и еще дивнее: государи во всем своем могуществе набрасываются на прошлое, учув в нем крамолу, – сжигают архивы, увечат камень, рвут языки, – но не в силах уморить начисто старушку Историю, она каждый раз помаленьку поправляется и вновь набирает силу.

Так в гордом Петербурге в конце XVIII века приказано было предать забвению стрелецкие буйства столетней давности, дабы подданные невзначай не задумались: «А не попробовать ли вновь?..» Пусть лучше ходят в нововыстроенный цирк, где уроженец Сардинии Доминик Ферранд забавляется со своими зверями.

Так и послушается Москва Петербурга! Да москвичи назло часами будут беседовать о милой старине. Один поведет вас в Кремль, на Соборную площадь, и будет вспоминать, что на этом месте стоял когда-то его прадед с другими стрельцами, а с Красного крыльца с криками «Любо вам, братья?!», раскачав, бросали им первых царских советников. «Любо!» – ревели в ответ стрельцы, подхватывая на пики очередного боярина. Другой укажет из окон своего дома на Сретенке на Сухареву башню, построенную Петром Великим в честь стрелецкого полковника, не изменившего в трудную для царя минуту. Третий, двуперстно крестясь, расскажет о благолепии староверческих часовен, где казненные *Петром-крокодилом* стрельцы почитаются за святыми. Мученическую приняли они смерть и после нее не нашли успокоения, ибо головы их понатыкали на стенах Белого и Земляного города. «Что ни зубец, то стрелец», – сложил печальную поговорку народ и, затаив лютую обиду на власть, жаждал вновь услышать набатный гул колоколов, сзывающий московский люд на мятеж.

Стража в Московском Кремле

Два века назад составитель «Географического словаря Российского государства» Афанасий Щекатов утверждал: «Москва – первопрестольная столица вся России, известная своей древностью и пространством, знаменитая многолюдством и великолепнейшими зданиями, славная достопамятными происшествиями, в разные времена в ней случившимися, и рождением в стенах ее великих государей, незабвенных патриотов и мужей бессмертных, по справедливости почитаемая в числе главнейших городов Европы».

У Москвы нет правильной и строгой красоты европейского города. Ее красота – это красота усадьбы, монастыря, переулка, базара. Всё в ней смешано, перепутано; каждый уголок имеет свою особенную историю, свои предания и тайны.

«Кто был в Москве, знает Россию», – эти слова Карамзина не легковесное хвастовство старого московского жителя, а зрелое умозаключение знаменитого историографа.

Как-то быстро и неозвученно этот небольшой городок Суздальской земли стал центром обширного государства, собрал вокруг себя и удержал большинство исконных русских земель. И хотя в начале XVIII века белокаменная кружевница потеряла блеск царского двора, переселившегося в Северную столицу, но навсегда осталась средоточием народной жизни.

Отсюда летом разлетались по всей Русской земле вести, слухи, легенды, а зимой они вновь собирались в Москву.

В отставной столице во времена Карамзина, Пушкина, молодого Толстого доживали свой век опальные вельможи, все те, кто когда-то *был в случае* при императорском дворе, но не удержался на вершине власти.

В старушку Москву со всех российских губерний стекались крестьяне со своим нехитрым товаром и думами, мучившими их мужицкие головы.

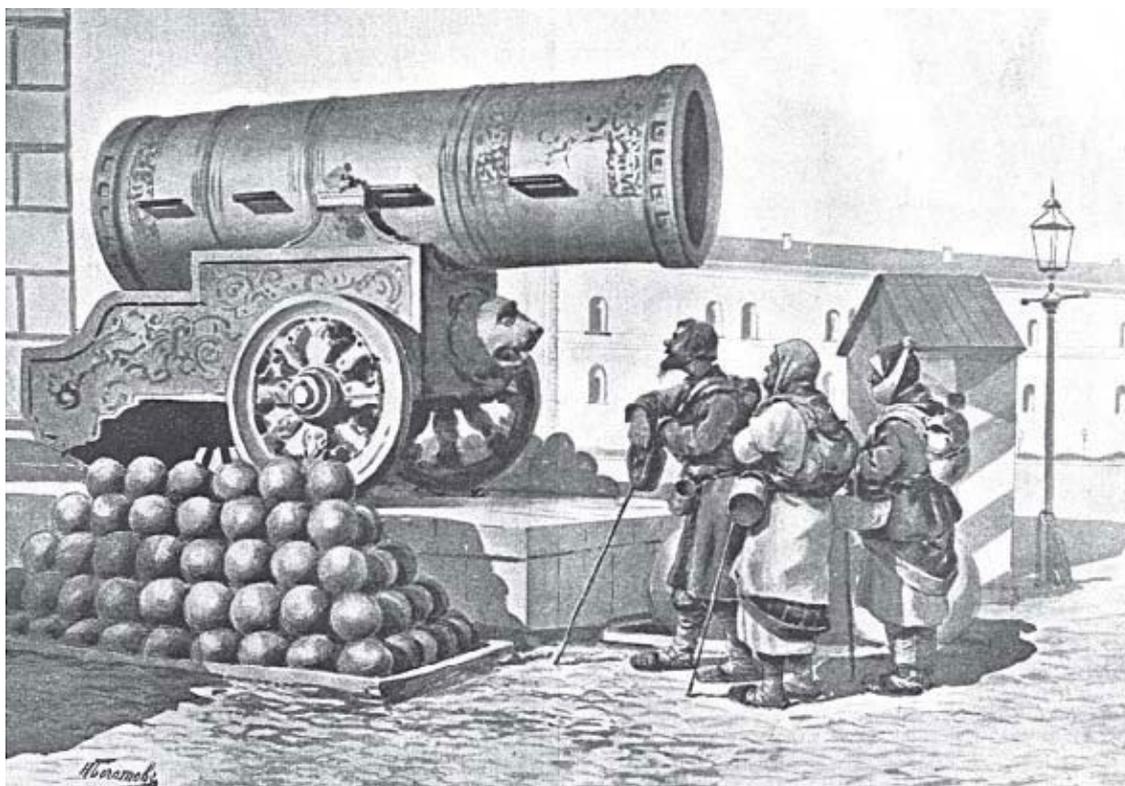
В древний город, где азиатская роскошь соседствовала с европейской философией, из близких и самых дальних уголков России спешили помещики и помещицы, дабы пристроить сыновей к учению, а дочерям присмотреть женихов.

В богоспасаемый град, известный своей неумолимой благотворительностью, брели пыльными дорогами оброчные дворовые, бродяги, калики.

Одни мечтали здесь разбогатеть, другие хотели поведать сердобольным москвичам о своих мытарствах, третьи поклониться православным святыням.

Москва принимала всех. Она походила на вольную республику в самодержавной России.

Это был единственный город, где можно было дать детям русское воспитание, внушить любовь к Отечеству, уважение к родному языку.

Здесь – богатейшие хранилища древностей, первые научные общества, ценнейшие собрания российских древностей. Здесь создавались книги и журналы, по которым училась читать вся Россия; университет, возведенный высочайшим указом от 5 ноября 1804 года в степень первого в державе высшего училища.

Здесь дышалось воздухом свободы, с которым был незнаком затянутый в военный мундир и департаментский фрак Петербург.

Здесь по Остоженке, Тверскому бульвару, Ильинке в армяках, салопах, зипунах гуляли москвичи, чья жизнь и дела придавали первопрестольной столице неповторимый, удивительный лик.

Девятнадцатый век принес в Москву особый дух крупного предпринимательства, щедрого меценатства, искренней благотворительности. Каждый год был отмечен появлением новых заводов и фабрик, театров и музеев, богаделен и больниц, домов дешевых квартир и приютов. Москвичи строили добротнo – на века. И главным человеком в городе, несмотря на обилие праздных людей, был человек труда.

Московский простолюдин просыпался рано – в четыре часа утра, когда колокола зазвонят к заутрене. Богомольная баба спешит в приходскую церковь, бакалейщик собирается в свою лавку, ванька-извозчик запрягает старого коняшку в сани, нищие и кликуши пробираются к своим законным местам на паперти. Фабричный в эти минуты досматривает последний сон, с ленцой потягивается на полатах, оттягивая неизбежную минуту, когда придется поторапливаться к станку.

Но, наконец, наступает день, которого долго ждут трудолюбивые москвичи – праздник. Вольность и веселье, смех и беспечность, удаль и буйство, потеха и пестрота озаряют жизнь горожан. Умеет повеселиться *горбатая старушка Москва*, богатая хлебом, острыми языками и темными делами. Умеет она показать, что бьет с носка, когда Питер бока вытер. Потому-то не хвались в Москву – хвались из Москвы.

Издавна полюбился москвичам развеселый зимний праздник Масленица. Еще в давние времена в первый день Масленицы у Лобного места всенародно объявляли, что великий государь Алексей Михайлович зовет к себе нищую братию и людей скудных *хлеба есть*. Иногда на этот зов собиралось в царские палаты несколько тысяч человек. Царские стольники, стряпчие и жильцы *носили ествы и питье*, прислуживая государевым гостям. Сам Алексей Михайлович нередко кушал в кругу нищей братии и по окончании стола свое-ручно оделял всех денежной милостыней.

На Разгуляе в трактире на перекрестке четырех дорог, под Новинским в балаганах со сбитнем и бузой, в Сокольниках у многочисленных длинных столов и в шатрах – ешь до икоты, пей до перхоты, пой до надсады, пляши до упаду.

У каждого народного праздника, гулянья было свое место, время, традиции. Русский человек любил скитаться, переезжать с места на место, и каждый мечтал посетить Москву. Здесь всегда было множество жителей самых различных губерний. Оттого и веселье было, как нигде, разнообразно – каждый приезжий приносил в праздник толику своего опыта и умения. Каждый мог выбрать, где и как ему повеселиться.

На Пресненских прудах издавна любили кататься на шлюпках и кормить жирных карпов. На Ходынском и Донском полях летом, а на Шаболовке и в Покровском зимой собирались в праздничные дни любители рысистых бегов. В Лефортове не смолкали звуки гармони, рассказы бывалых людей, шум играющих в орлянку. Первого августа на Трубе и Самотеке особенно звонко пелось в хороводе и удачливо гадалось на веноч, брошенный в воду. Первого мая гуляли в Сокольниках на *немецких станах*. Здесь еще в начале девятнадцатого века можно было увидеть рядом с вельможными китайскими и турецкими палатками, в которых были накрыты столы для роскошной трапезы, хворостяные, чуть прикрытые сверху тряпками шалаши рабочего люда, в которых дымились самовары.

Душа москвича в праздник ощущала свободу и радость, отдохновение от тяжелых трудов. Но кончался день потехи, и Москва вновь погружалась в будничную, повседневную жизнь. Бородатые дворники раскидывали снег возле домов и следили за благопристойным поведением жителей, гимназисты с ранцами спешили на уроки, в Охотном ряду отворялись

лавки, на Сухаревке букинисты торговали редкостями, у Рогожской заставы, на Пресне, в Бутырках начинали дымить фабричные трубы.

Двадцатый век во многом изменил облик и быт Москвы. Одним горожанам перемены нравились, другие жалели безвозвратно ушедший старинный уклад жизни. Ничего не поде-лаешь – всем не угодишь. Москва слезам не верит, она кому мать, кому мачеха. Москва веками строилась, и душу ее уничтожить ни у кого не хватит сил. Она стала многомиллион-ным цивилизованным городом, центром российской науки, просвещения, искусства, техни-ческого прогресса и даже спорта.

И все же у нее сохранилась тяга к родной старине. Многие районы исторического цен-тра – Остоженка, Сретенка, Китай-город и другие – напоминают нам не только о сегодняш-нем дне, но и о седой старине. Вновь красуются, радуя глаз москвичей и гостей столицы, уничтоженные в 1930-е годы исторические памятники каменной летописи города: Казан-ский собор на Красной площади, Воскресенские ворота Китай-города с Иверской часовней, Красное крыльцо у Грановитой палаты, храм Христа Спасителя...

Каждая московская улочка, каждый храм являются хранителями священного про-шлого, духовного и вещественного богатства могучего Русского государства. Здесь под бал-дахинном, в порфире и короне, со скипетром и державой в руках, присягали на верность Оте-честву российские цари. Здесь, облаченные в одежды святых предшественников, принимали символы патриаршей власти первоиерархи Русской Церкви. Здесь были собраны величай-шие православные святыни. Каждый богомолец, будь он коренной москвич или паломник с далекой окраины, был неразрывно связан с благочестивыми обычаями и преданиями, веками складывавшимися в богоспасаемой столице – городе нашей церковной славы.

Народная мудрость гласит: в рай входят святой милостыней – нищий богатым пита-ется, а богатый нищего молитвой спасается. Москва во все века славилась неумной забо-той о духовном и телесном здоровье ближнего. Именно здесь были построены дворцы для

простолюдинов – для тех, кто за неимением средств насущных не мог более надеяться на себя. Тому пример – Странноприимный Шереметевский дом, ныне продолжающий свое милосердное дело под именем Научно-исследовательского института скорой помощи имени Н. В. Склифосовского, а также сотни приютов, богаделен, домов дешевых квартир, благотворительных обществ и филантропических заведений. Москва являлась в России самой большой Обителью милосердия и, хочется надеяться, снова станет ею в будущем.

Многострадальный XX век тяжелым катком прошелся по улицам и площадям Москвы, уничтожив сотни дивных храмов, стерев с лица земли многие дворянские усадьбы и сады, распродав за границу тысячи бесценных произведений живописи и ювелирного искусства, изгнав за пределы Родины многие тысячи коренных москвичей. Но, несмотря на все тяжелые испытания, наша столица осталась символом могущества Отечества. Здесь построена первая в стране Шуховская радиобашня, а сорок пять лет спустя появилась на свет и ее младшая сестра, издалека заметная – Останкинская телевизионная башня. Здесь в 1935 году были открыты первые станции русского метрополитена, многие из которых напоминают причудливый музей шедевров архитектуры. Здесь предстали во всей своей первозданной красе отреставрированные заботливой рукой мастеров Московский Кремль, Свято-Данилов монастырь, многие храмы и старинные особняки...

Москва первой остановила врага в лихие годы Отечественной войны 1812 года и Великой Отечественной войны. Москва первой восторженно встречала победителей Арктики, покорителей космоса. Здесь жили и продолжают жить многие тысячи знаменитых и незаметных героев, своим трудом прославившие Россию во всем мире.

И слова «ушедшая Москва», «современный город», «будущее столицы» должны слиться в единое целое, имя которому – вечность.

Ведь Москва – не застывшее изваяние, а живое, постоянно меняющееся творение наших предков, современников и потомков.

Константин Симонов с высокой гордостью писал о нашей столице и ее Красной площади:

Полночь бьет над Спасскими воротами,
Хорошо, уставши кочевать
И обветрясь всякими широтами,
Снова в центре мира постоять!

Поспешим же побывать в «центре мира» – Вечном городе Москве!

Власть

*Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.*

Г. Р. Державин

Верховная власть в Москве в стародавние времена принадлежала исключительно великому князю, а позже – царю. Его первым советником в управлении столицей, да и всем государством была Боярская дума, о чем говорит и обычай начинать каждый указ словами: «По указу великого государя бояре приговорили». Правда, в XIII и XIV веках большую власть имели и тысяцкие, возглавлявшие ополчение («тысячу»). Но после смерти московского тысяцкого Василия Васильевича Воронцова-Вельяминова († 17 сентября 1373 г.) Великий князь Дмитрий Донской упразднил эту должность. Вместо нее учредили должность «большого наместника московского», обязанности которого были близки к обязанностям тысяцкого, но он находился в большей зависимости от великого князя.

Главная же исполнительная власть, с которой сталкивались москвичи – приказы, впервые появившиеся в 1512 году. В XVII веке существовало около сорока приказов, среди которых – Посольский, занимавшийся международной дипломатией, Разрядный, назначавший служилым людям поместья и денежное довольство, Преображенский, вершивший политический сыск и суд, Монастырский, Аптекарский, Стрелецкий, Ямской и многие другие. Большинство приказов размещались в Московском Кремле в избах на Ивановской площади.

Против алтаря Архангельского собора тянулся ряд зданий в виде огромной буквы «П». Все они были деревянными, в два этажа, украшенные резьбой...

С раннего утра оживает площадь перед приказами, толпится народ. Двери еще закрыты, и просители разбрелись кучками по площади, но больше всего столпилось у «святого Ивана под колоколами», где раскинута палатка подъячих. Сами они уже за работой. Один пишет «подрядную запись» для пяти дюжих ямщиков, взявшихся возить бутовый камень на аптекарский двор. Бумага скоро будет готова, и подрядчики готовят мелкую деньгу – плату за работу. Другой подъячий, положив на колено лист бумаги, пишет челобитную. Часто макая гусиное перо в чернильницу, которая висит у него на шее, он строчит привычные слова, только изредка задавая тот или иной вопрос стоящему перед ним просителю, посадскому человеку. Около палатки еще один подъячий о чем-то беседует с крестьянином, в руках которого красный узелок, откуда выглядывает связка бубликов и еще что-то. Вероятно, подъячий дает добрый совет, и на лице крестьянина расплывается довольная улыбка, он благодарно кланяется и передает за услугу «поминок» – свой узелок.

Ближе к приказам несколько человек столпилось вокруг осанистого седобородого старика, а тот подробно повествует, какой наказ давал ему стольник, когда посылал из своей вотчины в Москву по судным делам.

Уже половина восьмого, скоро откроются двери, толпа все прибывает. Со всех сторон спешат приказные подьячие, путаясь в своих длиннополых кафтанах. Некоторые из них ненадолго останавливаются поговорить со знакомыми челобитчиками, но большинство быстро расходятся по палатам. В комнатах душно, тесно, маленькие слюдяные окошки почти не дают света. Длинные узкие столы завалены бумагами, глиняными чернильницами и песочницами, лебяжьими перьями, клеем и воском для печатей.

Относительным порядком и чистотой отличается казенка, где сидит судья с товарищами. Стол здесь покрыт красным сукном, на нем медная чернильница, а вечером появляются в медных тройных шандалах восковые свечи. К стенам придвинуты дубовые и липовые коробки, где хранятся приказные дела.

В казенке никого нет – начальные люди еще не приезжали, а в других помещениях уже началась работа. Во главе каждого из столов сидит «старый подьячий» и распределяет работу между младшими, следит за ними, дает, когда потребуют, о каждом отзывы: можно ли ему поручить государево дело и «чаять ли от него проку».

Из подьячих «средней статьи» одни пишут приказные бумаги на узких листах, подклеивая их друг за другом, так что одно дело представляет длинную бумажную ленту. Другие «сидят у государевой казны», ведут книги расхода и прихода и в сложном счете пользуются косточками слив, которые всегда носят в мешочке у пояса.

Младшие подьячие чинят перья, наливают чернила, бегают в торговые ряды за покупками.

Но вот в дверях появляется дьяк в шубе и с палкою в руке. Перебрав бумаги, положенные для его просмотра, и скрепив некоторые из них подписью, он появляется в палате подьячих с царской бумагой в руках.

Дьяк на докладе у Великого князя

– Великий государь, – начинает он густым басом, – указал сказать во всех приказах подьячим, которые сидят у его денежной казны, чтобы им тех денег отнюдь себе не брать и в заим никому из той казны не давать, а учнут они делать против сего государева указа, быть им в жестоком наказании без всякой пощады.

Подьячие начинают перешептываться, обсуждая новый указ, но приезд судьи и приказание пускать просителей обрывают эти разговоры.

В казенке судья с дьяком разбирают тяжбы. Жалобу прежде всего рассматривает дьяк и потом докладывает судье. Тяжущиеся отвечают на суде устно, «смирно и нешумно». Если судья найдет, что представленных доказательств с той и с другой стороны достаточно, то дело решается тотчас. В противном случае оно откладывается до следующего раза. Большинство просителей при выходе из казенки посылают не особенно добрые пожелания дьяку за волокиту и что готов с одного вола две шкуры снять. Но на эти возгласы досады никто не обращает внимания, всем известно, что дьяк – сила большая. Судьи выбираются из государевых служилых людей, им «приказное дело не в обычай», а дьяки сидят здесь лет по тридцать и больше, знают все законы и указы и любое запутанное дело могут вмиг распутать, правого обвинить, а виновного оправдать.

В два часа приказные люди расходятся по домам, чтобы пообедать и соснуть часок-другой по русскому обычаю. Но после четырех часов все снова должны быть на своих местах. Особые дозорщики записывают не явившихся и опоздавших в штрафную книгу.

Вечером в приказах гораздо тише – нет посетителей. Подьячие при тусклом свете салных свечей спешат закончить бумаги, а то оставят на ночь дописывать, да еще однорядку снимут, чтобы не ушел. Только в десять часов приказные люди расходятся отдохнуть после долгой работы...

С перенесением главной столицы в Санкт-Петербург и учреждением в 1708 году губерний Москвой стали управлять царские наместники. Первым из них был боярин Тихон Никитич Стрешнев, поставленный московским губернатором 3 февраля 1709 года. Должность главного управляющего Москвой время от времени менялась в названии – главнокомандующий, военный губернатор, генерал-губернатор, но суть оставалась одной – начальник Москвы подчинялся напрямую императору и никому более.

Каждый московский градоначальник чем-нибудь да прославился в веках. Ростопчин – пожаром 1812 года, Закревский – борьбой с инакомыслием, великий князь Сергей Алек-

сандрович – женой (великой княгиней Елизаветой Федоровной, причисленной ныне к лику святых). Граф Захар Григорьевич Чернышев, командовавший городом в 1782–1784 годах, оставил о себе память борьбой с московской грязью, желанием, чтобы его город чистотой напоминал европейские, в которых он побывал, служа в русском посольстве в Вене, участвуя в заграничных военных походах и находясь в плену у прусского короля Фридриха II. Чернышев уничтожил топи и болота на городских реках, приказал спустить большинство прудов при обывательских домах, сломал мельницу и запруду в устье Неглинной, благодаря чему Моховая, Воздвиженка и начало Никитской освободились от непролазной грязи. Он построил на всех переходах через ров в Кремль каменные мосты: Боровицкий, Троицкий, Спасский и Никольский; проложил Мытищинский водопровод до Кузнецкого моста, начал поправлять Земляной и Компанейский (Камер-Коллежский) валы; поставил пятнадцать застав с кордегардиями, обозначив черту города... Да что говорить, и поныне московские градоначальники селятся в доме на Тверской площади, выстроенном из кирпича разобранной стены Белого города графом Чернышевым, а прилегающий к дому переулок носит его имя. Когда 29 августа 1784 года граф Чернышев умер, москвичи сокрушались: «Хоть бы он, наш батюшка, еще два годочка пожил. Мы бы Москву-то всю такую видели, как он отстроил наши лавки».

Не менее прославился на посту генерал-губернатора Москвы светлейший князь Дмитрий Владимирович Голицын, правивший Первопрестольной с 1820 по 1844 год и считавшийся воссоздателем прекрасного облика города, сильно пострадавшего от пожаров и вандализма 1812 года. Когда князь был назначен в Москву, от Никитских ворот через пустыри еще можно было увидеть Сущево, а с Болота через рвы и топи Павловскую больницу на Калужской. При нем древняя столица украсилась садами, парками и непрерывной цепью бульваров, пополнилась более чем десятком мостов, набережные Москвы-реки оделись в гранит, на площадях появились фонтаны с чистой мытищинской водой, истекавшей из резервуара на Сухаревой башне, был устроен первый в России пассаж (Голицынская галерея). Особенно же расцвели за время его градоначальства в христоробивой Москве благотворительные заведения. Запомнился светлейший князь москвичам и в тяжелые годы, в 1831-м, когда город посетила холера, и в 1834-м, когда в течение двух месяцев не утихали пожары. И в тот и в другой раз Голицын сумел сохранить в Москве тишину и спокойствие, помочь жителям противостоять эпидемии и стихии. Умер светлейший князь, генерал от кавалерии и кавалер всех российских орденов, в Париже после двух операций в понедельник на Святую Пасху 1844 года, в самый, по народному поверью, блаженный для кончины день. Перед смертью несколько раз спрашивал врача: «Не правда ли, мы возвратимся в Москву? Вы меня здесь не оставите?» По славной дороге 1812 года, мимо Красного и Бородина возвращался он в гробу в свой город, чтобы найти вечный покой в Донском монастыре.

Племянник славных героев 1812 года братьев Тучковых, Павел Алексеевич Тучков правил городом в 1854–1864 годах. Москвичи, кто победнее, были благодарны ему за резкое снижение цен на дрова, учреждение комиссии для внезапного обследования мастерских по проверке отношений хозяев к малолетним ученикам, ужесточение наказаний нанимателям, неисправно платящим заработки рабочим. Те, кто побогаче, видели другую сторону деяний Тучкова – переустройство бульваров и мостовых, открытие Адресного стола, где можно было узнать местожительство любого москвича, начало работы телеграфа. Просвещенные граждане приветствовали основание Тучковым Городского статистического кабинета, училища для глухонемых и других новых учебных заведений. И буквально все знали и верили, что Тучков с женой Елизаветой Ивановной и детьми живет весьма скромно и не может себе и помыслить обогатиться за счет казны или взяток. Александр II, будучи в Москве, удивился, что генерал-губернатор не имеет обыкновенной дачи и на лето снимает ее у более богатых горожан в Петровском парке. Пришлось Москве, когда умер кристально честный

генерал-губернатор, открыть «подписку на расходы по погребению». Собранных денег хватило с лихвой, осталось даже на памятник над могилой в Новодевичьем монастыре.

Владимира Андреевича Долгорукова москвичи звали не иначе, как «удельный князь». Барин с чисто русской душой нараспашку и чисто русским хлебосольством, он управлял Москвой, как своей вотчиной. И оказалось, что в сложные годы коренного преобразования России он пришелся к месту, сглаживая острые углы недовольства реформами. Князь вступил в должность генерал-губернатора 30 августа 1865 года, вскоре после освобождения крестьян от крепостной зависимости. В «долгоруковскую эпоху» Москва стала свидетельницей коронации императора Александра III, освящения нововыстроенного храма Христа Спасителя, Всероссийской промышленной выставки. В это сложное, многим непонятное время, когда стремительно менялся привычный уклад не только политической, но и личной жизни, князь Долгоруков умел ладить и с исповедниками старого николаевского режима, жаждавшими реванша, и с правительственными чиновниками, превыше всего ставившими угождение капризам сегодняшних властителей, и с либералами, требовавшими все новых и новых уступок демократии. Его личный авторитет в глазах обывателей был выше и действеннее авторитета закона, и Москва, как никакой другой город России, довольно мирно переболела нелегким периодом решительных преобразований. Когда на восемьдесят первом году жизни он был уволен от должности и отправился для лечения за границу, то не прожил без любимого города и четырех месяцев, скончавшись 20 июня 1891 года. Долгоруковская эпоха Москвы, длившаяся более четверти века, отошла в прошлое.

После него высшая власть в Москве принадлежала великому князю Сергею Александровичу (26 февраля 1891 г. – 1 января 1905 г.), А. А. Козлову (14 апреля – 15 июля 1905 г.), П. П. Дурново (15 июля – 24 ноября 1905 г.), Ф. В. Дубасову (24 ноября 1905 г. – 5 июля 1906 г.), С. К. Гершельману (5 июля 1906 г. – 17 марта 1909 г.), В. Ф. Джунковскому (10 апреля 1909 г. – 25 января 1913 г.), А. А. Андрианову (11 июля 1914 г. – 5 мая 1915 г.), Ф. Ф. Юсупову (старшему) (5 мая – 3 сентября 1915 г.), И. И. Мрозовскому (2 октября 1915 г. – 1 марта 1917 г.). После победы Февральской революции главные начальники Москвы стали называться комиссарами, а после Октябрьского переворота председателями исполкома Моссовета. Но их власть в связи с переселением советского правительства из Петербурга в Москву была уже далеко не столь всеохватна, как у московских царей и генерал-губернаторов.

Боярская дума и Земский собор

Царь гладит, а бояре скребут.
Пословица

Дума ведет начало от стародавнего обычая русских князей совещаться о важных делах со своими главными дружинниками, или, как их звали, думцами. Когда-то такие совещания были обычаем, строго исполнявшимся князем. Но с усилением московских государей эти совещания, не представлявшие определенного законного учреждения, утратили свою обязательность. Боярская дума приобретала большое значение только при отсутствии государя в Москве или при его малолетстве.

И все же звание думного боярина было очень почетно, и получить его могли лишь самые сановитые бояре, да и то по достижению преклонных лет.

При назначении в члены Боярской думы царю всегда приходилось считаться с родовым старшинством бояр и жаловать многих в Думу «не по разуму их, а по великой породе», – как выразился знаменитый московский подьячий XVII века Григорий Котошихин.

Во второй половине XVII века «сидение великого государя с боярами о делах» происходило три раза в неделю: в понедельник, среду и пятницу. При накоплении же множества дел заседали и чаще. Царь, если он присутствовал на заседании Боярской думы, садился на трон, а остальные участники размещались поодаль на лавках.

Окольничие садились ниже бояр, думные дворяне – ниже окольничих, и в каждом из этих разрядов все размещались строго по знатности рода. Если же рядом оказывалось несколько человек одного рода, то старшие по годам садились выше младших. Думные же дьяки должны были и вовсе стоять. Если только заседание затягивалось, то по разрешению царя и они могли присесть.

Начинались заседания обычно ранним утром и длились до обеда, то есть до семи часов утра. Иногда продолжали заседание и вечером, перед всеюнощной. Собирались, где укажет государь. Обычно это происходило в Золотой палате.

Заседание обыкновенно открывалось обращением государя к думцам: «И вы, бояре и думные люди, помысля, к сему делу дайте способ». После недолгого чинного молчания вставал кто-нибудь из бояр и излагал свое мнение. Потом одни чинно возражали, а другие сидели молча, «бороды свои уставя, – как писал современник, – ничего не отвечают, потому что многие из них и грамоте не учены».

Царь и ближний боярин

Часто обмен мнениями переходил в горячий спор, продолжавшийся до тех пор, пока путем обоюдных уступок спорившие не приходили к общему решению. Тогда думный дьяк писал приговор, начинавшийся словами: «Великий государь, слушав докладной выписки, указал, и бояре приговорили...» Если же государь в Думе не присутствовал, то думный дьяк писал: «По указу великого государя бояре, той докладной выписки слушав, приговорили...» Когда государь не присутствовал в Думе, первое место принадлежало старшему по роду боярину, и тогда имя этого боярина упоминалось в записанном решении.

Чинный порядок заседаний нарушался только случаями вроде того, когда Василий III выгнал с заседания говорившего наперекор ему боярина, да случаями местничества, когда родовому самолюбию какого-нибудь думца покажется, что сосед не по праву занял место выше его. В такие споры вмешивались все, и дело доходило до шумного скандала, которого порой не мог унять даже государь.

Реже нарушался ход думских сидений хвастовством какого-нибудь не в меру загордившегося боярина. Переспорит его в деле другой, и тогда он начинает высчитывать свои прошлые заслуги, коря соперника в том, что он и десятой доли его трудов не сделал. Когда зайдет такой гордец в своих речах далеко, царь или просто велит ему замолчать, или, если рассердится, так велит нарушителя порядка вывести во двор. Так однажды поступил Алексей Михайлович со своим тестем боярином Милославским, когда тот вздумал похвалиться своими военными подвигами, которые только еще собирался совершить, если под его начало дадут войско.

Созывали свою Думу – Освященный собор – и московские митрополиты и патриархи, где присутствовало высшее духовенство.

Боярин

Иногда случались столь важные дела, что государь считал нужным созвать представителей всех своих владений на Земский собор. Первый такой Собор созвал царь Иван IV Грозный. Особенно часто собирал выборных людей со всего государства царь Михаил Федорович.

Выбирались представители на Собор из всех свободных сословий – дворяне, торговые и посадские люди. Кроме того, членами Земского собора являлись все представители Боярской думы и Освященного собора.

Открывал Земский собор обыкновенно царь. Выборным предъявляли вопросы, на которые они должны были дать ответ, но не от себя лично, а от всего сословия. Впрочем, не возбранялось и отдельным людям в письменном виде подать свое особое мнение. После того, как сословия определялись с ответами, их передавали для обсуждения в Боярскую думу, где под главенством царя сочинялись постановления, имевшие силу закона.

Самые значимые Земские соборы были не те, что созывал государь, обладавший абсолютной властью, а те, которые избирали царя – Бориса Годунова и особенно Михаила Федоровича.

Остальные же Соборы имели малое значение. Выборные даже часто в своих ответах выражались расплывчато и витиевато, предоставляя «государю и государевым боярам» решить вопрос по-своему. «Мы же, – заверяли они, – где государь укажет, на его государеву службу готовы, кому вмочь».

Земские соборы просуществовали меньше полутора столетий. При Михаиле Федоровиче их созывалось двенадцать, при Алексее Михайловича – четыре, а при Петре I о них уже и не вспоминали.

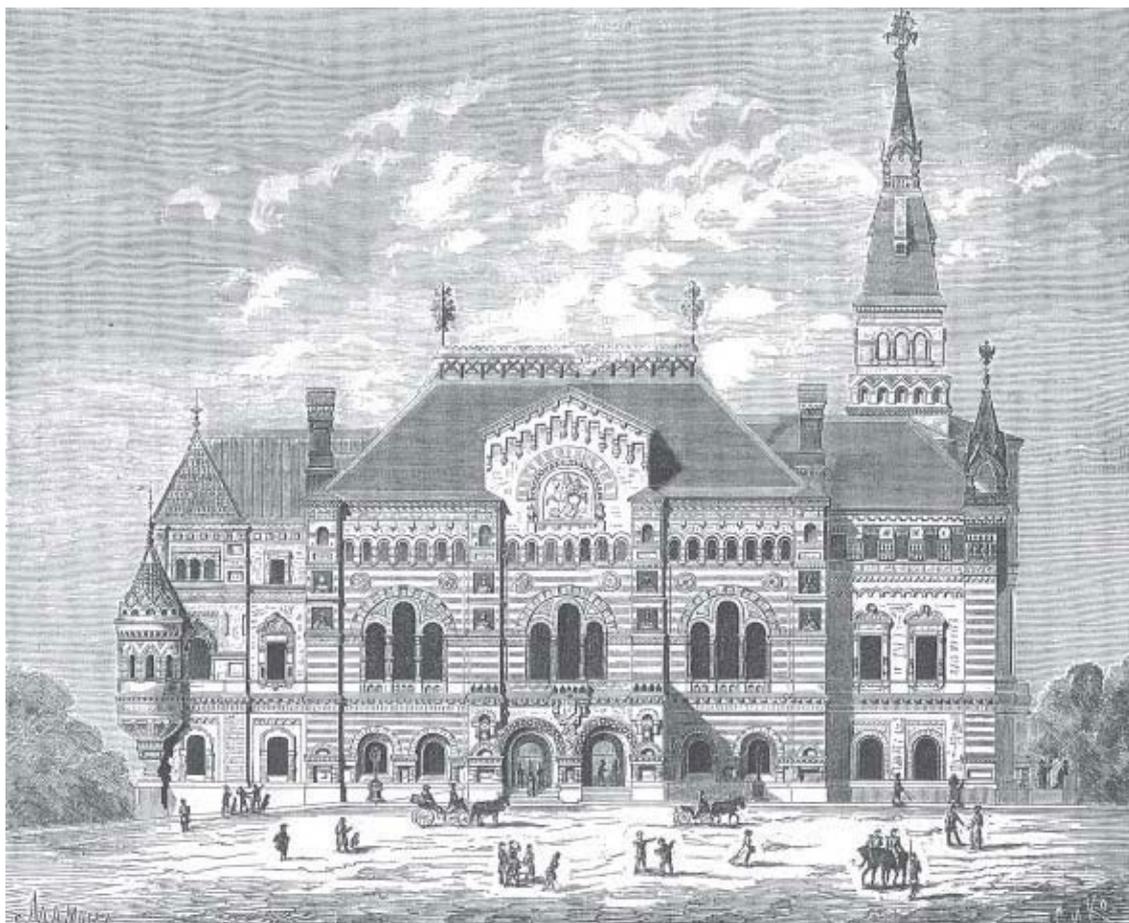
Городская дума

Дума – собрание чинов для каких-либо дел.
В. И. Даль

До конца XVII века городское управление было сосредоточено в руках «приказных и иных чиновных людей», которые заведовали благоустройством города, чинили суд, налагали поборы и регламентировали торговлю и промыслы. В 1699 году указом Петра I в Москве была учреждена Бурмистрова палата, вскоре переименованная в ратушу, с правом избирать в нее бурмистров из среды городских жителей. Впервые же городское общество признано юридическим лицом, обладающим правом собственности на общественное имущество и правом установления правил, обязательных для всех жителей, в опубликованной 21 апреля 1785 года «грамоте на права и выгоды городов Российской империи».

Надо заметить, что должность городского головы¹ появилась раньше, чем была учреждена Дума. Она установлена 14 декабря 1766 года манифестом о создании «комиссии для сочинения проекта нового Уложения». Единственной обязанностью городского головы было председательствовать при выборе депутатов от города в состав создаваемой комиссии. Первого московского городского голову избирали поверенные от домовладельцев в доме графа А. Г. Орлова-Чесменского в Немецкой слободе 25 апреля 1767 года. На двухлетний срок тогда выбрали князя Александра Алексеевича Вяземского. О какой-либо деятельности первых городских голов ничего не известно, но архивные документы подтверждают, что их переборы каждый раз на двухлетний срок происходили трижды. Новое значение должность городского головы получила после утверждения Екатериной II 7 ноября 1775 года губернской реформы («Учреждение для управления губерний Российской империи»). Он стал председательствовать в появившемся Сиротском суде, и на него была возложена обязанность «попечения об оставшихся после городских жителей вдовах и осиротевших малолетних детях, находящихся без призрения». Выборы городского головы было предложено производить городскому обществу раз в три года. Согласно этим узаконениям и в связи с открытием Московской губернии поверенными от купечества и мещанства на должность городского головы 10 октября 1782 года был избран именитый гражданин Демид Демидович Мещанинов.

¹ До 1863 года городские головы назывались градскими главами.

Проект здания Московской думы

Московская дума была открыта 15 января 1786 года и, не успев приступить к делам, тотчас попала в тяжелый финансовый кризис. Итог первого года работы городского самоуправления оказался плачевным: «Требование Шестигласной думы² приемлются без надлежащего уважения, а по недавнему учреждению едва только и считается ли Городская дума в числе прочих в Москве присутственных мест».

В 1799 году был введен «Устав столичного города Москвы» с учреждением вместо Думы Ратгауза из правительственных и выборных чиновников с президентом во главе. Должность городского головы была упразднена. Это нововведение императора Павла I отменили вскоре после царевубийства – 2 апреля 1801 года, с подтверждением грамоты 1785 года.

Вся работа Думы зависела от деятельности городского головы. На эту должность почти всегда выбирали всеми уважаемого человека из числа купцов первой гильдии. Понимали, что, как гласит пословица, каков поп – таков и приход. Особенно наглядно это стало заметно, когда городское хозяйство в 1843 году возглавил, став городским головой, А. П. Шестов. За время его службы мещанское и ремесленное сословия впервые получили самостоятельность и независимость. Шестов приобрел громадное уважение среди городской бедноты тем, что не отмахивался, как его предшественники, от их нужд. К нему часто обращались за разрешением споров. Одного его слова часто было достаточно, чтобы прекратить тяжбу.

Шестов взял под свою защиту все тягловое городское общество: «Ни один московский купец и мещанин, взятый в полицию, не может быть окончательно обвинен или оправдан без

² Это название Дума получила в связи с тем, что в нее избирались шесть гласных, которые под председательством головы заведовали городском хозяйством.

приговора общества и его головы». Именно на борьбу с самоуправством полиции уходили основные силы и отвага Шестова. Боролся он и с казнокрадством в городском хозяйстве, в чем заручился поддержкой генерал-губернатора князя Д. В. Голицына, благоволившего к «дедушке Андрею», как звали своего городского голову московские обыватели.

В 1862 году было введено новое «Положение городского устройства Москвы». Установлены пять сословий (потомственные дворяне, личные дворяне, купцы, мещане и ремесленники), управление каждого из которых возлагалось на свою сословную Управу. Для ведения же общегородских учредили Общую думу, куда каждое сословие через сто человек своих выборных избирало из своей среды 35 гласных. Из состава Общей думы, которая занималась составлением законов (приговоров) избиралась Распорядительная Дума для внедрения этих законов в жизнь (позже переименована в Городскую управу). Сословных старшин, их товарищей, городского секретаря, членов Распорядительной думы, казначеев утверждал в их должностях московский генерал-губернатор. На должность городского головы, председательствовавшего как в Общей думе, так и в Распорядительной думе, в 1860-х годах требовалось избирать не менее двух лиц, окончательный же выбор из них оставался за генерал-губернатором. Первые выборы Общей думы состоялись в 1863 году.

В Шестигласной думе заседало, главным образом, купечество. Теперь же она стала всесословной. Выборы городского головы состоялись 16 марта 1863 года в большом зале Российского Благородного собрания. Все хоры были заполнены зрителями. Из шести претендентов на должность городского головы И. Ф. Мамонтов снял свою кандидатуру. Первый баллотировался И. А. Лямин. За него было опущено 199 избирательных шаров и 262 неизбирательных. Следующий – Г. И. Хлудов («за» – 278, «против» – 183), князь А. А. Щербатов («за» – 338, «против» – 123), А. И. Кошелев («за» – 156, «против» – 305), И. В. Селиванов («за» – 82, «против» – 379). Гвардии поручик князь Александр Алексеевич Щербатов был утвержден генерал-губернатором как председатель новой Думы, основанной на началах истинного самоуправления и всесословности.

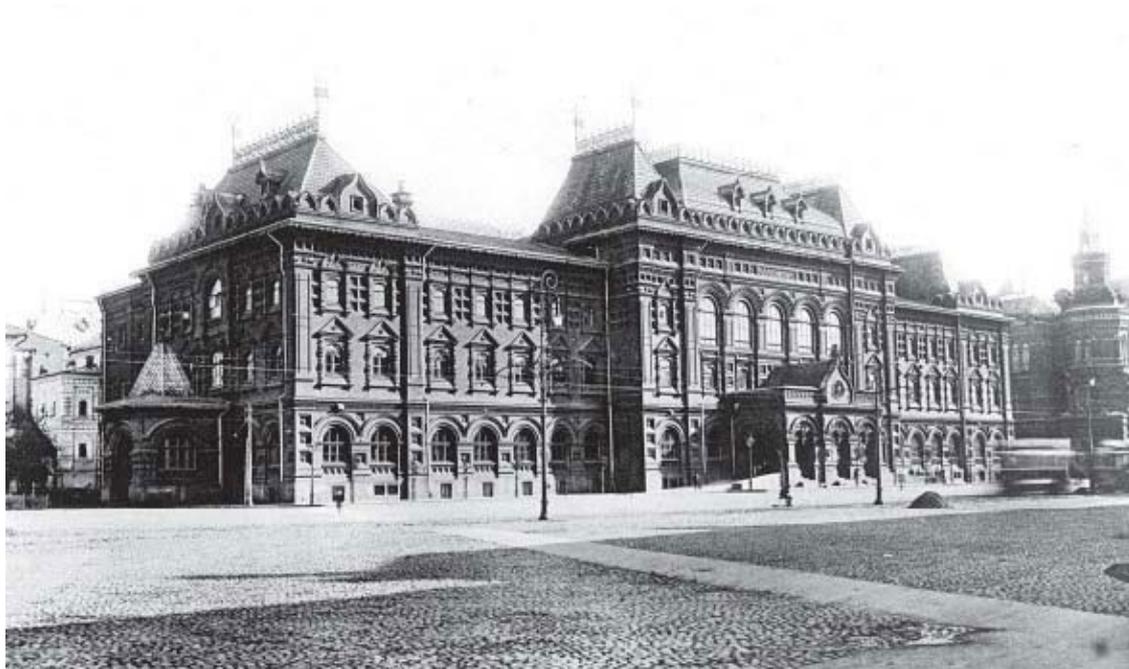
Шесть лет прослужил князь московским городским головою, трудясь на благо Первопрестольной. «Все мы, все без исключения, – вспоминал он, – были люди новые на том поприще, на котором были призваны действовать».

Дума ведала образованием, общественным призрением, освещением, водопроводом и санитарным состоянием города, арендой земли и множеством других дел. При А. А. Щербатове город самостоятельно выстроил Бородинский мост и начал перестройку всех деревянных мостов, превратил полуразрушенные Титовские казармы в благоустроенную больницу, заново отстроил Хамовнические казармы, перевел на городские окраины и оборудовал бойни, устроил дополнительный водопровод из Ходынских ключей, ввел газовое освещение, определил точные границы Москвы, открыл более десятка городских училищ в бедных районах...

Сословное основание выборов просуществовало недолго, до нового Городского положения 1870 года. Бесспорно, самым выдающимся городским головой был купец и благотворитель Николай Александрович Алексеев, занимавшийся благоустройством Москвы на этой должности в 1885–1893 годах. Его настойчивость и энергия проявлялась во всех городских делах, и, в особенности, в переоборудовании устаревшего для столь большого города водопровода и устройстве канализации. «Больницы, школы, другие разные отрасли городского управления, – вспоминал М. М. Богословский, – всюду проникал его зоркий хозяйский глаз, всюду слышался его громкий голос, везде он был энергичным решительным организатором, живо схватывавшим суть дела, быстро соображавшим и находившим средства к осуществлению задуманного». Алексеев погиб на своем посту – был смертельно ранен душевнобольным во время приема посетителей в Думе.

Последние значительные изменения выборной системы появилось в Городском положении от 17 июня 1892 года. По нему Москва была разделена на шесть избирательных участков, в каждом из которых выбирали от 25 до 28 гласных. В гласные могли баллотироваться только избиратели, проживавшие на территории данного участка. Голосовали и могли быть избранными мужчины, достигшие 25 лет. Женщины в выборах вовсе не участвовали. Городской голова избирался из гласных не моложе 30 лет и имевших не менее 15 тысяч рублей капитала. Предвыборной агитации почти не существовало. И в этом не было нужды – про каждого местного жителя и так знали всю подноготную. Лишь с 1905 года разрешили предварительные собрания кандидатов в гласные с местными жителями. Но было оговорено, что на собрании имеют право присутствовать только избиратели данного участка.

Шестигласная, а потом и Общая дума размещались в доме Губернских присутственных мест на месте, ныне занятом Государственным Историческим музеем. Распорядительная дума (Городская управа) занимала шикарное помещения в доме графа Шереметева на Воздвиженке. «В этих богатых хоробах, – вспоминал В. Голицын, – копошился персонал, далеко не отвечающий им, и более подходящий к тем закоулкам и чуланчикам, в которых помещалась бывшая Шестигласная дума в здании присутственных мест у Иверских ворот».

Здание Московской думы на Воскресенской площади

Под одной крышей Московская дума и Городская управа стали жить с мая 1892 года, когда было закончено постройкой здание на Воскресенской площади, в советские годы отданное под Музей В. И. Ленина. На первом этаже размещались телеграфная и телефонная комнаты, регистратура, казначейство, строительное отделение и отдел по сборам городских налогов, бухгалтерия и 5-е отделение Городской управы. Широкая лестница вела на второй этаж, где находились главный и малый залы для заседаний, 2-й, 3-е, 7-е и 9-е отделения Городской управы и оценочная комиссия. Третий этаж занимали водопроводное и канализационное отделения, архив, контрольное отделение и присутствие по воинской повинности. В подвальном этаже со сводчатым потолком помещалось отопительное оборудование, запас топлива и были жилые помещения курьеров.

Пятнадцать лет Московская дума просуществовала в новом здании. Но Октябрьская революция покончила с выборными органами самоуправления, заменив их подконтрольным

кремлевским комиссарам Моссоветом и руководством Московским городским комитетом Коммунистической партии.

Жилище

*Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посадки, и деревни,
И палаты, и дворцы!*

Ф. Н. Глинка

Археологи, работая бок о бок с геологами на месте древнейшего поселения на территории современной Москвы – Дьякова городища (Коломенское), подвергли свои находки – кости животных, остатки деревянных построек, украшения, да и саму почву радиоуглеродному анализу. Оказалось, что первое поселение людей здесь появилось в VI–VII веках до нашей эры. Скорее всего, тогда здесь обитали финно-угорские и балтийские племена.

В далекий железный век жилища первых «москвичей», которые ушли из этих мест по непонятным причинам задолго до появления на Боровицком холме и в его окрестностях первых славянских поселений, представляли собой несколько столбов, соединенных между собой переплетенными ветками. Эти «шалашы» окружали пастбища и березовые, липовые, сосновые, дубовые леса. Засевали «дьяковцы» две с половиной тысячи лет назад свои поля пшеницей, ячменем и просом. Ловили в Москве-реке (хотя тогда у нее наверняка было другое название) щуку, сома, судака, стерлядь. Изготавливали глиняную, деревянную и берестяную посуду.

Конечно, не следует думать, что на территории нынешней Москвы в эпоху каменного и бронзового веков местным жителям было тесно. Одновременно здесь проживало, по подсчетам археологов, не более ста человек, что подтверждают исследования остатков могильников в Давыдовке, Спас-Тушине и на Фестивальной улице.

Около трех тысячелетий назад, в эпоху железного века, в пойме Москвы-реки стали селиться земледельцы. Ныне насчитывается около десяти городищ этого времени, в каждом из которых проживало до ста человек. Современный человек может удивиться: зачем при такой малочисленности населения взваливать на себя тяжелый труд – обрабатывать почву? Вокруг же столь привольно и всего довольно! Хочешь – охоться на бобра, глухаря, рябчика, лося. Хочешь – лови стерлядь и щуку. Хочешь – собирай лесную ягоду, орехи, грибы. Но людям, наверное, надоедает вечно бродить по свету в поисках добычи, оставаясь бесприютным. Вот они и устраивают себе более прочные и более теплые жилища, в которых собираются дожить до конца своих дней, а вокруг распахивают землю, чтобы всегда про запас была пища и для своей семьи, и для домашнего скота.

Можно быть уверенными, что дома первых жителей города Москвы в XII–XV веках мало чем отличались от бревенчатых изб новгородцев, киевлян или суздальцев. Печи у большинства горожан топились по-черному (без трубы, дым выходил в отверстие в крыше), маленькие окна, соломенные крыши. Изба русского крестьянина почти без изменений дошла до XVIII и даже XIX века. А вот дома знатных москвичей с течением времени постоянно совершенствовались.

В начале XVII века жилище московского боярина представляло собой громадный двор, окруженный высокой бревенчатой или кирпичной стеной. Над главными воротами, разукрашенными резьбой и башенками с расписными дверцами, в киоте помещалась икона.

Четырехугольный деревянный дом боярина был сложен из дубовых брусьев с умением, без единого гвоздя для скрепы. Все щели были проложены мхом для тепла. В первом этаже,

подклети, жили холопы, второй занимала хозяйская семья. Обширные теплые сени соединяли дом с соседним – покоями боярский сыновей. Над горницей и сенями шел третий этаж – высокий терем для боярыни с боярышнями. Крытые переходы соединяли хоромы с домовою церковью. По всему двору были разбросаны амбары, клети, конюшни и мыльня. Много места занимал тенистый сад, где между рядами яблонь и груш росли в грядках овощи, в парниках дыни, а возле изгороди черемуха, калина и горькая рябина.

Шелковые ткани, по большей части красных цветов, расшитые золотом, покрывали лавки, скамьи, дубовые с резьбою столы. Солнечные лучи, проникая сквозь разноцветные стекла, играли на серебряных паникадилах в столовой палате, на зеленой муравленой печи, обитых красной кожей стенах и расписном потолке. Дорогие пушистые ковры лежали на полу. На маленьких пестрых столиках были разложены для украшения различные вещицы: серебряные яблоки, позолоченный мужичок, костяной городок с башнями, часы с затейливыми фигурками. Но ни зеркал, ни картин не допускал благочестивый боярин в своих покоях, так как духовенство не одобряло этих заморских украшений.

В 1660—1670-х годах своей необычностью выделялся дом князя Василия Васильевича Голицына, стоявший за высокой оградой недалеко от Тверской улицы, резко выделяясь среди других строений своей величиной и изяществом. Крыша боярских хором была покрыта медными листами. Внутри тоже многое было устроено на иноземный лад. В столовой палате – дорогие ковры, живопись. На потолке изображено нечто, похожее на небо с солнцем, планетами и звездами, а вокруг в позолоченных ободках, искусно вырезанных из дерева, целый ряд изображений пророков. Сверху спускается оригинальная люстра с шестью подсвечниками, которую как бы поддерживает золоченая голова лося. Стены отделаны под мрамор, окна частью расписаны, на стенах зеркала в золоченых резных и черепаховых рамах. Кое-где в простенках висели индийские и персидские ковры с золотыми и серебряными узорами на красном шелковом фоне. Посреди комнаты стояли столы со скамьями вокруг, обитые красным гамбургским сукном, и огромный, весь резной шкаф для серебряной посуды.

В кабинете хозяина, отделенного от столовой несколькими переходами, стены частью были завешаны кожами немецкой работы. Кругом портреты царей в дорогих рамах, ниже *шпалеры* – изображения из охотничьей жизни, как видно, вывезенные из заграницы. В углу стояли клавикорды, далее на особой подставке орган. В простенках между окон были развешаны географические карты. Множество небольших тумбочек, столиков, шифоньерка. На них – поставцы, шкатулки, янтарный ящичек. Около двери висел термометр в тонкой резной раме.

Дом богатого москвича, но не столь знатного, как В. В. Голицын, в конце XVII–XVIII веке представлял собой бревенчатый пятистенок, одна половина которого – светлица с «каморкой» (семейное помещение с особой спальней) и вторая половина – светлица для гостей. В гостиной – оштукатуренный потолок, выстланный каменной лещадью пол, украшенная зелеными изразцами печь. На стенах зеркала, по стенам стулья и лавки, посередине один или два дубовых стола, покрытых ковровыми скатертями. При доме обязательно был сад и огород, конюшни и кладовые. Во дворе в просторном месте, где не держали никакого хлама, соломы и рогож, ставили печь, на которой готовили кушанья и грели воду для хозяйственных нужд.

«В империи вашей, – сказал один иностранный посол, желая польстить Екатерине II, – сильный не унижает слабого, и Москва это доказывает. Там убогий домик стоит спокойно близ великолепных палат». Это лицемерное заявление можно отнести не только к XVIII, но и к XIX веку, и даже первой половине XX века, когда рядом с роскошными особняками, в которых в просторных залах скучали несколько сот праздных богачей, ютились холодные и сырые полуподвальные домишки и бараки, где обитало рабочее население первопрестольной столицы.

Поэт Петр Вяземский с непонятым умилением писал:

Здесь чудо – барские палаты
С гербом, где вписан знатный род.
Вблизи на курьих ножках хаты
И с огурцами огород.
Поэзия с торговлей рядом,
Манчестер ворвался в Царьград,
Паровики дымятся смрадом,
Рай неги и рабочий ад.

Но это соседство было неприятно знатному люду, и, в конце концов, в нашем XXI веке «господа» добились своего – рядом с их жилищами, окруженными заборами и охранниками, не увидишь поселений бедноты.

Говорить что-то общее о московском жилище XIX века невозможно – настолько разнились между собой дома вельмож, купцов, ремесленников, крестьян, во множестве проживавших на окраинах города, и фабричных рабочих. Вот лишь несколько характеристик московского дома.

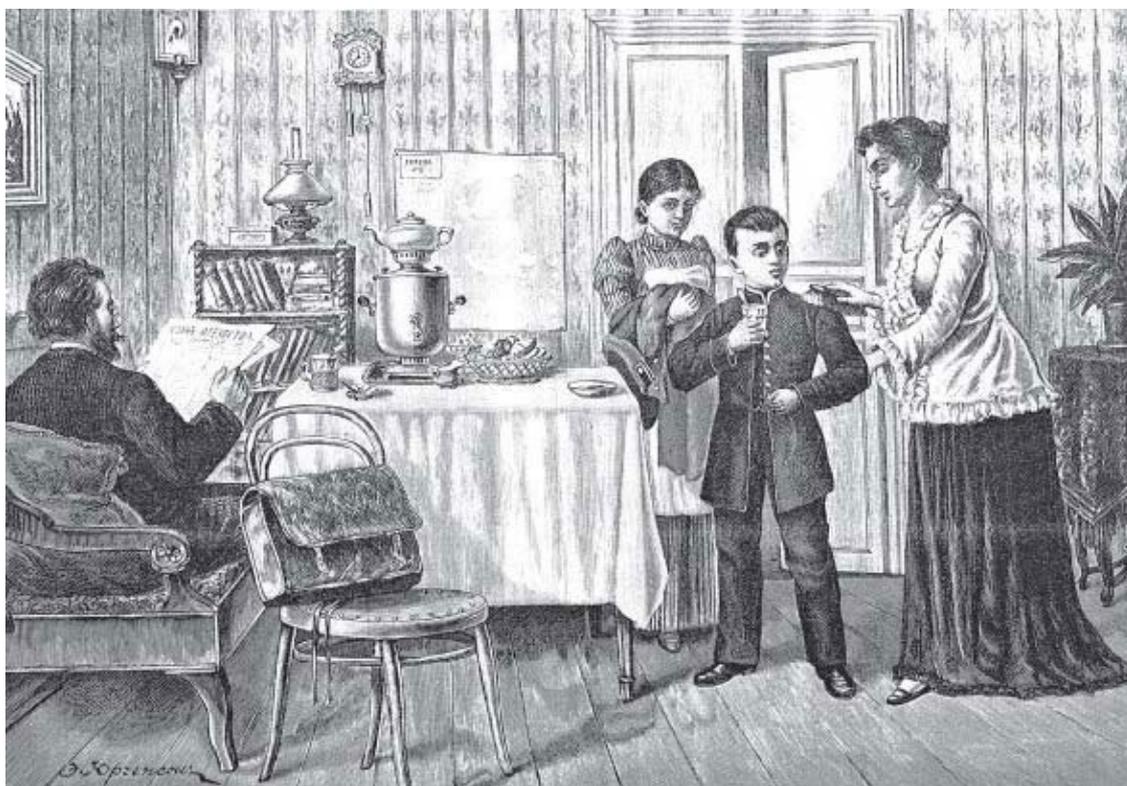

Купеческий дом в Рогожской слободе 1850-х годов: «Дом у нас был обставлен хорошо. Всюду ценная мебель красного дерева, работы известного мастера Пика, ковры, зеркала, а в комнате матери на полу лежали пушистые, выделанные медвежьи шкуры» (П. Богатырев «На долгом пути»).

А вот свидетельство Н. Скавронского о доме богатого старовера Рогожской слободы того же времени: «Меня встретили две собаки – одна цепная, другая вольная, – встретили и проводили громким лаем. Двор зарос травой, в стороне лежала налитая доверху помой-

ная яма, посредине было вырыто что-то вроде погребца с низенькою над ним деревянною постройкою, окрашенною в дикую краску, в стороне стояли ветхие сараи, оштукатуренные, с деревянными затворами, выкрашенные также дикой краской. Мельком взглянув на все это, я вошел на крыльцо, на ступенях которого стояла лужами вода, взвошел в комнаты и уже вполне почувствовал, что я среди нового, мне мало ведомого мира. Первое, что бросилось в глаза, – это лежанка из больших, старинных, с синими каемками изразцов, потом пустые желтые стены, затянутые по углам паутиною, потом старинные образа и рукописные молитвы, потом узкие окна со ставнями, с соломенными плетенками между рам, чтобы не проникал сквозь них взор проходящих. Замкнутость и обстановка старого упорного быта были во всех своих атрибутах пред глазами; они сказывались во всем: в мелких комнатах, похожих на клетушки, в разных потаенных шкапиках для разного снадобья, в широких, чисто строганных и вымытых по старинному обычаю с белой глиной полах...»

В этой купеческой и мещанской части Москвы каждый отгораживался от соседа глухими длинными заборами, за которыми раздавался лай злых собак. Ворота почти всегда были на запоре, занавески завешаны. «Дом или домишко похож на крепостицу, приготовившуюся выдержать долговременную осаду», – писал о Замоскворечье В. Г. Белинский.

«Как хороши были старые московские особняки внутри большого тенистого сада, – ностальгически восклицал, вспоминая дворянские усадьбы, Николай Львов, – с их флигелями и сараями в глубине двора. Сколько прелести в старой мебели из красного дерева, обшитой бархатным штофом, и в глубоких креслах, покрытых зеленой кожей, и в этих старых портретах в золоченых рамах, которые казались детям такими страшными, точно ночью дедушка может выйти из рамы и в своем синем халате прийти наверх, в детскую комнату! Как хорошо было в няниной комнате! Как пела у нее желтая канарейка в клетке, и ее веселый треск разливался по всему коридору! О, эти особняки и старые усадьбы, создававшие русскую женщину с такой теплотой материнского чувства, с такой кротостью и покорностью, что казалось, ей предназначено пройти свой жизненный путь, не касаясь земли ногою! Эти

старые усадьбы с белыми колоннами и тенистыми липовыми аллеями – Ивановки, Михайловки, Петровки – и московские особняки в переулках возле Арбата, с Собачьей площадкой и с Поварской, отложившие на русской жизни свой глубокий отпечаток идеализма, давшие поколения людей с возвышенными мыслями, бескорыстных в своих побуждениях и искренних в своих чувствах!..»

Подобных воспоминаний о милых московских дворянских пенатах тысячи. Но все они об одном и том же – о тихой и беспечной жизни в «дворянском гнезде», о диванах огромного размера, свечах в бронзовых подсвечниках, о балах и карточной игре на вымытых дворней полах.

Но денег у большинства дворян, умеющих только тратить, но не зарабатывать деньги, становится все меньше, и дома их меняют свой облик, жизнь во многих из них затихает. «Ныне в присмирившей Москве, – пишет Пушкин в 1835 году, – огромные боярские дома стоят печально между широким двором, заросшим травой, и садом, запущенным и одичалым. Под вызолоченным гербом торчит вывеска портного, который платит хозяину тридцать рублей в месяц за квартиру; великолепный бельэтаж нанят мадамой для пансиона – и то слава Богу! На всех воротах прибито объявление, что дом продается или отдается внаймы, и никто его не покупает и не нанимает».

Жилище, созданное исключительно для отдохновения от вечной скуки, хоть и красиво внешне, несет на себе антигуманистический отпечаток. Поэтому птичники с павлинами, зимние сады с пальмами, фонтаны с мраморными нимфами и театр с крепостными артистами в усадьбах Юсупова и еще нескольких человек, ему подобных по богатству, не достоинство, а, скорее, укоризна городу, и можно лишь приветствовать разорение этих «дворянских гнезд». Существовали даже дома, большинство комнат которых вовсе были без окон, так как они предназначались исключительно для ночной жизни и дневного сна. Например, дом Гурьевых на Тверской улице, неподалеку от Страстной площади, в котором жил богатый и гастроном Гурьев, изобретатель гурьевской каши и гурьевских блинов. Тоже и другой дом поблизости, принадлежавший известному обжоре и развратнику Рахманову. Каждая его комната имела свой стиль. Столовая была вся дубовая, с массивной резной дубовой мебелью. Зала и другие приемные комнаты были отделаны в стиле рококо. За ними следовали комнаты в помпейском стиле, где на стенах были воспроизведены копии помпейских фресок. Мебель и лампы в этих комнатах тоже в древнеримском стиле. Из них вела дверь в замкнутый со всех сторон глухими стенами палисадник, оканчивавшийся павильоном тоже в помпейском стиле, где и происходили оргии хозяина дома.

Одновременно с этими особняками в Москве существовали ночлежные дома и коечно-каморочные квартиры. В вонючих холодных комнатах с низкими потолками, где нельзя выпрямиться высокому человеку и где за стенами, покрытыми вечной сыростью, ютилась чуть ли не половина жителей города, роскошью считалось, если у человека имелась собственная койка. Вечная мечта простолюдина – деревянный дом с мезонином где-нибудь

возле Сухаревой башни, корова в сарае, куры и индюк. Но, увы, это неприхотливое жилище было не по карману большинству.

По переписи 1882 года в Москве насчитывалась 15 тысяч застроенных владений на 753 тысячи человек. Таким образом, на каждое жилое здание приходилось в среднем 50 человек. Во всех зданиях насчитывалось 70 330 жилых квартир, в которых помещалось 625 400 человек. Еще 102 тысячи человек помещались в 3870 «общежитиях» – гостиницах, ночлежных домах, богадельнях и т. п. Кроме того, 21 тысяча человек проживала в помещениях присутственных мест и разных общественных учреждений. В среднем в каждой московской квартире проживало 9 человек (в Петербурге – 7, в Париже – 3). Такая значительная плотность заселения объясняется значительным рабочим населением города, состоявшим, главным образом, из пришлых земледельцев, живших здесь без семьи, артелями в бараках. Следует также добавить, что 10 % всех квартир составляли подвальные помещения.

«Квартирный кризис мертвой петлей охватил довольно широкие слои столичного населения, – констатировала в 1909 году Московская дума. – Но есть обыватели, имеющие полное право считать себя еще в более худшем положении. Это именно обитатели коечно-каморочных квартир и дореформенных ночлежек Хитрова рынка, несмотря на все меры, предпринимаемые доселе городским управлением, продолжающих оставаться теми же подобиями клоак, вредных и в нравственном, и в санитарном отношениях».

Москва в жилищном хозяйстве навсегда осталась городом невероятных контрастов.

Изменчивость погоды

Год на год не приходится.

Пословица

Жизнь появилась на Земле, по словам ученых, более 900 миллионов лет назад (архейская эра). Но бурное участие в развитии Земли и, в первую очередь, ее климата, растительный и животный мир стал принимать 325 миллионов лет назад (палеозойская эра). Сравнительно недавно, по сравнению с предыдущими цифрами, 25 миллионов лет назад, температура воздуха стала понижаться, и сейчас мы живем в одну из холодных эпох. В последние два миллиона лет средняя температура продолжала колебаться в пределах десяти градусов, отчего то Северный Ледовитый океан почти полностью освобождался ото льда, то Европу сковывал ледниковый панцирь. Последнее значительное потепление началось примерно 15 тысяч лет назад, когда вечная мерзлота отступила на несколько сот километров в Сибири и Северной Америке, а Европа полностью освободилась от нее.

Прежде всего надо отметить, что следует отличать погоду – состояние атмосферы (ясность, облачность, температура воздуха, влажность и т. п.) в данном месте, в данное время от климата – многолетнего режима погоды, свойственной той или иной местности.

Климат последнего тысячелетия, когда появился и стал набирать силу город Москва, тоже можно разбить на несколько периодов. Сравнительно теплыми оказались VIII–XIV века. Древние викинги на легких суденышках достигали Гренландии и устраивали там поселения. Похолодание на 1,3–1,4 градуса приходится на IV–IX века, когда полярные льды сковали побережье Гренландии и Исландии, а горные ледники в Альпах заняли обширные пространства. Новое потепление началось во второй половине XIX века и достигло своего максимума в 1930–1940 годы. На территории Руси, особенно в ее центре, где возвышалась Москва, колебания климата почти не ощущались.

Чудесен своей природою, зверем, птицею, дарами леса был дремучий московский край. Воды в достатке и для утоления жажды, и для земледелия. Ни тебе вулканов, ни разрушительных смерчей. Хотя сильные ветры все же случались. Но ветер взбесится – лишь с плохой хаты сорвет крышу. Кто дом строил на совесть, из соснового леса московских окрестностей, тому не были страшны ни дождь, ни ветер. Хороший дом спасет и в лютый мороз, который «и железо рвет, и на лету птицу бьет». Тяжелее всего пережить зиму. Но вот подходит она к концу. Наступает март с водою, апрель с травой и май с цветами. «Не пугай, зима, – весна придет! Не страши, непогода, – солнышко ведет ведрышко!» – говорил народ.

Добрые радостные чувства всегда вызывало «светило из светил» – Солнце. Оно прогревает землю-кормилицу, заливают весь мир светом, радуется теплом непривычное к холоду тело человека. За эту службу ему почет и уважение: «Что мне золото – светило бы солнышко», «Не страши, непогода, солнышко ведет ведрышко», «Ото всех уйдешь кривыми путями-дорогами, только не от очей солнечных».

Но не вздумай прогневить красно солнышко! Это было давно, гласит предание, когда еще не было Солнца на небе, и люди жили в потемках. Но вот выпустил Бог из-за пазухи Солнце, все смотрят на него и дивятся. А пуще всех – бабы. Повынесли они решета, давай набирать света, чтобы осветить хаты. Хаты тогда еще без окон строились. Поднимут решето к Солнцу, свет льется через край, а только внесут его в хату – нет ничего! А Солнышко все выше и выше поднимается, уже припекать стало. Вздурили бабы – сильно притомились за работой, хоть света не добыли. А тут еще сверху жжет. И вышло такое окаянство: начали они на Солнце плевать. Бог прогневался и превратил нечестивых в камень...

О Солнце, Луне, звездах нельзя слова дурного вымолвить – от них польза человеку. «Красна солнышка мне не взвидеть!» – клялись в Древней Руси.

Другое дело гроза, вихрь, землетрясение, наводнение, засуха – они приносили несчастье. «С огнем не шути, с водой не дружись, ветру не верь». Беда тому, кто затеет с ними ссору, предостерегали старики молодежь.

Первые достоверные сведения о русской погоде содержатся в летописях, где отражаются исключительные явления природы, перед которыми человек чаще всего оказывался совершенно безоружным.

991 год: «Наводнение многое и много зла сотвори».

994 год: «Жары вельми тяжкие».

1002 год: «Дожди мнози... умножение плодов всяческих».

1028 год: «Знамение змеевидное явилось в небе [по-лярное сияние], так что видно было его отовсюду».

1088 год: «Земля стукнула [землетрясение]. Знамение в солнце. Великий змей от небес».

1107 год: «Тряслася земля перед рассветом ночью».

1128 год: «Бысть вода велика, в Волхове потопи люди и жита и хоромы снесе».

1135 год: «Прогремел гром зимой, и много вреда учинил».

1167 год: «Того же лета бысть ведро и жары велицы и сухмень чрез все лето и пригоре всяко жито и всякое обилие, и озера высохша, болота же выгореша, и леса и земля горела».

1224 год: «Бысть ведро велие и мнози леса, и боры и болота згораху и дымове сильнии тогда бяху, яко не видети человеком; бо яко мгла на земли прилегла».

Сведения о природных явлениях были основаны, прежде всего, на наблюдениях самого летописца или пришедших в его монастырь из других земель богомольцев. Особенно катастрофическим в Древней Руси, по мнению очевидцев, стал 1230 год, когда случилось довольно сильное землетрясение, а после него с 25 марта по 20 июля повсюду шли сильные дожди. Вдобавок к этим несчастьям 14 сентября ударили сильные морозы. Все это стало причиной повсеместного голода.

Лучшие традиции киевского, новгородского, псковского, ростовского летописания нашли дальнейшее развитие в Москве, где первые летописи появились в начале XIV века и где, наряду с повествованиями о войнах, пожарах, строительстве храмов, важных политических и экономических событиях, обязательно говорилось о разрушительных бурях, затяжных дождях, сильных засухах и морозах. Это был голос народа, земледельцев, которые более, чем князья и бояре, зависели от капризов погоды и более обращали на нее внимание. Было подмечено, что в XII веке случились лишь две засухи. Вторая половина XIII века изобиловала частыми бурями, сильными наводнениями, холодными зимами. В XIV веке было отмечено двадцать голодных годов из-за засухи и других экстремальных явлений. В XV веке больше всего ущерба земледельцам принесли холодные продолжительные дожди. Как, впрочем, и в следующем столетии. На XVII век приходится рекордное количество голодных лет – двадцать шесть. Большими колебаниями погоды отмечен XVIII век, когда Москва несколько раз пострадала от наводнений (1702, 1709, 1716, 1718 и 1765 годы) и от засухи (девятнадцать раз за столетие).

Наводнение в Дорогомилловской слободе

Основная причина всех природных явлений – солнечная энергия. Большое значение также имеет близость морей и океанов, лесные массивы, высота местности. Изменчивость погоды мы наблюдаем и в течение одного дня, и месяца, да и очередной год никогда не похож на предыдущий. Как писал Александр Пушкин в «Евгении Онегине»:

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе...

Погода во многом зависит от величины снежного покрова, ведь талые воды питают возрождающуюся зелень, которая охлаждает и увлажняет воздух. Наиболее резко погода изменяется при воздушных вихрях – циклонах и антициклонах. Удаленность Москвы от морей и океанов существенно влияет на ее климат. Зима здесь продолжительная и холодная, лето умеренно теплое. И все же большие массы воздуха из Арктики, с Атлантического океана, из Средней Азии и из Сибири достигают столицы. Оттого москвичей нередко поджидают зимние оттепели и обложные дожди в летнее время. Ветры же в Москве дуют чаще всего с запада и юго-запада.

Ныне мы не в силах в полной мере почувствовать особенности московского климата тысячелетней давности. Столица, закованная в камень и асфальт, застроенная громадными зданиями, выбрасывающими в воздух неисчислимую массу пыли и грязи, создала в XX веке «городскую мглу», которая поглощает значительную часть солнечных лучей, не пропуская их к воде и земле. Особенно изменился климат зимы, как из-за отопления зданий, так и загрязненного снега, который уже не в силах отражать в полной мере тепловую радиацию. Свою лепту в изменение климата внесла и местная циркуляция воздушных масс, когда более теплый городской воздух поднимается вверх, а ему на смену притекает более холодный воздух Подмосковья.

Метеорологические наблюдения в древней Москве были лишь визуальными. «Как к тебе сия наша грамота придет, – писал царь Алексей Михайлович в 1650 году стольнику и ловчему А. И. Матюшкину, – и ты бы записывал, в который день и которого числа дождь будет, да отписать бы тебе о птицах, как их носят и как они летят, и что на Москве у вас делается». Метеорологические наблюдения заносились в «Дневальные записки» созданного в середине XVII века Приказа тайных дел. Они более регулярны, чем в летописях, но и более скудны: «Шел дождь с перемешкою», «Шел дождь велик и град в орех», «В ночи было тепло». В Петербурге, после учреждения 28 января 1724 года Академии наук, уже с 1 декабря следующего года приступили к постоянным метеорологическим наблюдениям с помощью специальных приборов. В Москве же первым стал измерять атмосферное давление, температуру воздуха, направление и скорость ветра военный врач Лерхе (записи с 13 сентября 1731 года по 15 февраля 1732 года). Позже главнокомандующие Москвы обязаны были еженедельно сообщать Екатерине II не только о ценах на хлеб и городских происшествиях, но и об ущербе, причиненном урожаю ураганами, ливнями, градом, наводнениями и засухами. «С исхода апреля месяца, – пишет императрице Я. В. Брюс, – продолжают великие дожди и стужи, и на низких местах от тех совсем яровое вымокло». К регулярным же наблюдениям в первопрестольной столице приступили в 1820 году по почину профессоров Московского университета. С 1853 года эти наблюдения стали ежечасными, и не прекращаются по сей день. Благодаря им установлено, что полгода мы живем при температуре ниже плюс 5 градусов и являемся страной с довольно холодным климатом. Средняя температура января – минус 10,5 градусов, июля – плюс 18 градусов. Осадков за год выпадает около 550–600 мм, устойчивый снежный покров сохраняется с декабря по конец марта. Конечно, год на год не приходится, цифры эти средние. А самый ранний снег выпал 8 сентября 1896 года, самый поздний – 6 июля 1904 года (по новому стилю). Абсолютный минимум температуры составил минус 42 градуса (1942 год), максимум – плюс 38 градусов (1972 год).

О необычных явлениях природы, в том числе и погоды, в Москве лучше всего судить по наблюдениям писателей и ученых XIX–XX веков. Ведь и восемь веков назад происходило почти то же самое, с той лишь разницей, что жилища москвичей были попроще, запас продовольствия поменьше и каждое странное изменение погоды имело для горожан не только жизненно важное значение, но и вселяло в большинство народа суеверный страх.

Во все времена особенно пугали людей землетрясения. Конечно, они никогда не могли быть в Москве столь же разрушительны, как в Китае, Армении или Румынии. Но это было

очень редкое для этих мест явление и потому внушало особую тревогу. «Теперь же землетрясение своими глазами увидели, – писал в 1230 году епископ Владимирский Серапион. – Земля, от создания укрепленная и неподвижная, повелением Божиим ныне движется, от грехов наших колеблется, беззакония нашего вынести не может». Проповедник призывает к покаянию перед постигшими Русскую землю бедами, среди которых «страшное потрясение» лишь следствие княжеских распрей и иноземного нашествия. «Исчезла крепость, – говорит он, – князей и воевод, в плену соотечественники, поросли сорной травой разоренные села, русское богатство стало корыстью врагов», и вся земля «иноплеменникам в достояние бысть».

Московский летописец отметил землетрясение 1 октября 1445 года: «В 6 час ночи тоя потрясея град Москва, Кремль и посад весь и храми колебашеся». Вряд ли спящие проснулись от этого странного события. Но кто бодрствовал, воспринял его как предвестник беды, ведь ничего прежде никто из них не ощущал. Правда, через тридцать лет нечто подобное повторилось в столице Русского государства: весной 1474 года рухнула даже недостроенная церковь Пресвятой Богородицы и был «трус в граде Москве».

Слабые отголоски далеких карпатских землетрясений москвичи ощущали еще несколько раз, вернее, слышали, как ни с того ни с сего вдруг начинали звонить колокола.

Первое московское землетрясение, о котором остались подробные записи, произошло 14 октября 1802 года. Его свидетелем был знаменитый историограф Н. М. Карамзин, оставивший для потомков его описание: «14 октября, на исходе второго часа пополудни, мы чувствовали легкое землетрясение, которое продолжалось секунд двадцать и состояло в двух ударах, или движениях. Оно шло от востока к западу, и в некоторых частях города было сильнее, нежели в других: например, сколько можно судить по рассказам, на Трубе, Рождественке и за Яузою. В иных местах его совсем не заметили. Оно не сделало ни малейшего вреда и не оставило никаких следов, кроме того, что в стене одного погреба (в Городской части) оказались трещины, а в другом отверстие в земле, на аршин в окружности... Удары были чувствительнее в высоких домах; почти во всех качались люстры, в иных столы и стулья. Многие люди, не веря глазам, вообразили, что у них кружится голова. Работники, бывшие на Спасской башне, уверяют, что стены ее тряслися. Те, которые шли по улице или ехали, ничего не чувствовали, и большая часть жителей только на другой день узнала, что в Москве было землетрясение».

Следующее московское землетрясение описал очевидец А. П. Павлов: «11 января 1838 г., в 10-м часу вечера, в студенческом общежитии в верхнем этаже старого Университета у стен стояли столики с горевшими свечами... Вдруг столики с горевшими на них свечами стали отодвигаться от стены, а неплотно затворенные двери начали хлопать, что продолжалось секунд около 10. На лицах свидетелей этого явления выразилось молчаливое изумление, и только вырвалось у кого-то одно слово: «Землетрясение!» На другой день мы слышали, что в верхних этажах некоторых высоких московских домов в посудных шкафах было перебито немало посуды, а в некоторых стенах верхних этажей образовались трещины».

Несколько последующих землетрясений, в том числе 10 ноября 1940 года и 4 марта 1977 года, не принесли городу никакого урона. Их сила не превышала 3–4 балла.

Более всего преданий, связанных с погодными катаклизмами, сочинено о грозе. В языческие времена главным персонажем этого красочного грозного явления природы был повелитель громов Перун, утолявший летнюю жажду земли живительными дождями, приносящими земле плодородие. После крещения Руси его постепенно сменил святой Илья-пророк, разъезжающий по небесной тверди на запряженной крылатыми конями колеснице и поражающий стрелами-молниями злых демонов и прочую нечисть. По своему усмотрению он выбивает градом поля грешников, поражает насмерть злых людей. Каждый раз 20 июля/2

августа, в день церковной памяти святого пророка Илии, на Руси ждали дождя и грома, совершали торжественные крестные ходы, чтобы умиловать грозного и справедливого пророка.

Число гроз в Москве в среднем за год равно двадцати двум. Их возникновение чаще всего связано с жаркой погодой и большой влажностью воздуха, неустойчивым состоянием атмосферы, когда температура воздуха быстро понижается при подъеме вверх, возникают сильные восходящие потоки и образуются кучевые облака, вскоре переходящие в беспорядочное нагромождение грозных. Они переполняются влагой и атмосферным электричеством и освобождаются от них в виде сильных ливней и электрических разрядов – молний.

Молнии в Москве от самого ее основания и до конца XIX века являлись причиной множества пожаров. Они часто ударяли в деревья, особенно в дубы, которые имеют разветвленные и глубоко залегающие корни. Дальше, по ниспадающей, ее объектами становились другие лиственные породы, ель, сосна. И почти никогда молния не выбирала объектом своего удара бук. Она превращала деревья в горящие щепки, которые разлетались на десятки метров в стороны и являлись причиной опустошительных пожаров. Нередко молния ударяла и в печные трубы, разрушая их и уничтожая огнем все жилище.

Грозу русские люди нередко связывали со Страшным судом и слагали об этом печальные песни.

Как сойдет с неба Илья-пророк —
Загорится матушка сыра-земля,
С востока загорится до запада,
С полудён загорится да до ночи.
И выгорят горы с раздольями,
И выгорят леса темные.

Грозы в Москве и Подмоскowie нередко сопровождаются градом, иногда мелким, а иногда достигающим величины грецкого ореха. У крупной градины, разрезанной пополам, можно увидеть слоистое, как у луковицы, строение. Это говорит о постепенном наращивании слоев льда во время пребывания градины в облаке. Исключительно крупный град, величиной с кулак и весом каждой градины более 400 грамм, выпал в нашей столице 16/29 июня 1904 года. Он убивал мелкий скот, уничтожал посеы и оставлял ровные, без трещин дыры в крышах стеклянных теплиц.

Но самым страшным и частым природным явлением для москвичей всегда были засухи. Недаром же именно этому событию посвящен первый дошедший до нас русский метеорологический трактат «Слово о вёдро», созданный в Киеве в середине XI века. Вслед за засухой по следам шел голод. На Руси издавна страшились трех бедствий, время от времени навещавших города и села, – повальных болезней, пожаров и голода. От мора спасала люта русская зима, от пожаров, уничтожавших жилища, – лес и плотницкий топор, от голода в засуху – запасы зерна впрок.

Другой, более редкий, но тоже нелюбимый гость в Москве был ураган. По мнению некоторых геологов, около 200 миллионов лет назад в Подмоскowie и на территории современной столицы существовало несколько вулканов, и до сих пор остается возможность зарождения над ними смерчей. Один из них пронесся над городом 16/29 июня 1904 года, сопровождавшийся крупным градом, о котором было рассказано выше. Тогда в воздухе летали куски железа с крыш, бревна, камни, лошади, люди. Вот что сообщает очевидец этого события: «В Москве подняло с земли на две сажени вверх городского Алексева и одного рабочего, отнесло их на пятьдесят сажень и перебросило через забор в сад. Городовые Медведев и Сотников, стоявшие на своих постах, были приподняты на десятисажен-

ную высоту. Помощника брандмейстера Лефортовской части Баландина подняло на девять сажень и со страшной силой ударило о забор, причем голову ему буквально раздробило. Все они умерли». Одна из воздушных воронок пересекла Москву-реку и на несколько секунд обнажила ее дно. Погибло около ста человек, несколько сотен было ранено.

Шквальный ветер, сопровождавшийся грозой, ливнем и градом, пронесся над Москвой и 28 мая 1937 года. Дождевые капли, раздробленные ветром, неслись сплошной завесой, из-за свиста ветра не было слышно ударов грома, дневной свет померк, лишь вспышки молнии на миг освещали город. Наибольшей силы ветер достиг в Петровском парке, в который он ворвался, набрав силу на незастроенном Ходынском поле. Ветер срывал крыши, валил заборы, вырывал с корнем деревья.

Наделавший тоже немало вреда удар разбушевавшейся стихии москвичи ощутили на себе совсем недавно – в ночь с 20 на 21 июня 1998 года. Более двух часов бушевал ураган, срывая крыши гаражей и корежа стойки рекламных щитов, с корнем вырывая тысячи деревьев. «Как Мамай прошел», – говорили утром вышедшие на улицу москвичи.

Надо заметить, что засушливые и сырые летние месяцы, суровые и теплые зимы, сильные бури, грозы и снегопады, поздние весенние заморозки и наводнения не переводились на московской земле никогда. Вот только ночное небо в городе в стародавние времена было звездным, солнце наши предки видели чаще, а воздух... Нет, нам не дано понять чистоты воздуха, которым дышали первые москвичи.

Водная гладь

*На тихих берегах Москвы
Церквей, венчанные крестами,
Сияют ветхие главы
Над монастырскими стенами.
Кругом простерлись по холмам
Вовек не рубленные рощи.*

А. С. Пушкин

На высоком берегу Москвы-реки, при впадении в нее Неглинной, в стародавние времена появилось небольшое селение, ставшее спустя несколько столетий самым великим городом Русской земли.

Реки служили защитой от чужеземных захватчиков и являлись удобной и единственной торговой дорогой.

«При взгляде на карту, – писал в 1909 году немецкий социолог А. Гетнер, – сперва можно удивиться, что Москва возникла не на Волге или Оке, а на маленькой Москве-реке. Первым поводом для основания ее послужило, должно быть, безопасное положение на крутом холме; со стороны реки Кремль выглядит величественным замком, и с его возвышения открывается широкий горизонт. Но и Москва-река ведь не малая: она годится для судоходства и не очень маленьких судов. Как раз в этом положении между главными реками у Москвы удобная связь во все стороны, в то время как положение городов на Волге и Оке является гораздо более односторонним. Москва была естественной столицей Великороссии, да и для всей восточноазиатской равнины трудно найти другое место с таким удобным положением, с такими удобными путями сообщения».

Товары из европейских городов везли через Смоленск по Днепру до Ламского Волока (недалеко от нынешнего Волоколамска), и здесь суда переволакивали по суше в притоки Москвы-реки, чтобы потом спуститься в Оку и Волгу, направляясь к волжским болгарам, в Каспийское море и окрестные восточные страны. «В Москве такое изобилие всех вещей, необходимых для жизни... – писал в 1662 году барон А. Мейерберг, – что ей нечего завидовать никакой стране в мире... Хотя она лежит весьма далеко от всех морей, но благодаря множеству рек имеет торговые сношения с самыми отдаленными областями».

Москва-река берет свое начало в Смоленской области. Возле деревни Старьково до сих пор существует лесное болотце, прозванное Московской лужей. Из него вытекает ручеек Коноплянка, который впадает в Михалевское озеро и по выходе из него уже именуется Москвой-рекой. Как и многие другие русские реки, она имеет очень извилистое русло, ее причудливые излучины (крутые повороты) придают городу живописное своеобразие.

Вскрывается Москва-река обычно около 10 апреля. Ледостав наступает примерно 19 ноября. В пределах центральной части города из-за стока теплых отработанных вод река замерзает крайне редко.

Самые ранние документы, рассказывающие о быстром повышении уровня воды в Москве-реке, относятся к XV–XVII векам. Но и по ним можно догадаться, какие немалые бедствия приносили весенние паводки в более ранние времена.

«Сия же зима вельми люта бысть, мразы быта велики и снега, а на весне на Москве и везде поводь зело велика бысть» («Воскресенская летопись», 1496 г.).

«Ко всему этому присоединилось неслыханное наводнение. В то время, когда мы находились в Москве, реки, протекающие через город, выступили из своих берегов, и вода была столь велика, что около тысячи домов отчасти было подмыто, отчасти разрушено совершенно» («Записки Жолкевского», 1607 г.).

«На Пасхе, которая была 15 апреля, лед на реках растаял, и мы пошли смотреть реку Москву, протекающую под Кремлем. Когда в этот день Пасхи лед растаял от теплого воздуха, солнечного жара и дождя, мы увидели на реке вещь удивительную: по ней свободно плыли горы снега и льда. Она в эту ночь опрокинула наружную стену Кремля (наружная

стена Кремля – защитная стенка от размывов берега при весенних паводках; вторично возведена в XVIII веке), потопила и разрушила множество домов с немалым числом людей и вырвала с корнем большое количество деревьев. Прежде люди ходили по ней, а теперь стали плавать на лодках из улицы в улицу, от дома до дома, что продолжалось в течение нескольких дней, пока река не начала убывать и не вернулась в свое обычное положение, и в августе месяце ее переезжали вброд, на лошадях, – так она стала маловодна» («Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию, описанное его сыном архидьяконом Павлом Алеппским», 1665 г.).

Около тысячи притоков принимает Москва-река на своем протяжении. На территории города самым значительным из них всегда была Яуза. Вытекая из болот Лосинога Острова, она пересекает Мытищи и уже в городе пополняет свои воды за счет речек с чудесными старинными названиями: Чермянка, Лихоборка, Каменка, Горячка, Капытовка, Рыбинка, Хапиловка, Синичка, Золотой Рожок... Большинство из них за прошедшее столетие или вовсе засыпали, или взяли в трубы, точнее – в коллектор (трубопровод большого поперечного сечения).

Яуза в IX–XI столетиях была частью великого торгового пути из Смоленска в Волгу, в Персию и Аравию. При ее устье существовали пристань и склады. Здесь перегружали товары с больших судов на малые и наоборот. Мелкие суда по Яузе шли до Мытищ, где посуху переволакивались в Клязьму, по которой достигали Оки, что сокращало путь на несколько сот километров.

Другой знаменитый приток Москвы-реки – Неглинная, начинавшаяся в болотистой низине возле нынешней Самотечной площади, при слиянии небольших речек Самотеки и Напрудной. Еще в XIX веке Неглинную навсегда упрятали в подземную темницу. А протекала она по нынешнему Цветному бульвару, пересекала Трубную, Театральную и Манежную площади и, спустившись Александровским садом к Большому Каменному мосту, впадала здесь в Москву-реку.

И опять – грусть об исчезнувшей с карты города речке. Ведь в журчании воды красоты поболее, чем в стеклянно-бетонном небоскребе. Владимир Солоухин писал:

Шумит великая столица,
Шуршит машинами над ней,
И что же ей, Неглинке, снится
Среди подземных кирпичей?
Кувшинки, синие стрекозы,
Чуть розоватый свет зари?
Луга, песчаные откосы
И на быстринке пескари?

Берега Неглинной почти на всем протяжении ее течения были изрезаны мелкими оврагами и ручьями, и, значит, долина реки была сильно заболочена. Одно из таких «мокрых мест» существовало на месте здания Манежа, при впадении в Неглинную наиболее крупного ее притока Успенский Вражек.

На своем протяжении Москва-река имеет около тысячи притоков. Вступая в город в районе Строгино и покидая столицу у Бесединского моста, она принимает здесь около семидесяти притоков. Наиболее крупные из них, после Яузы и Неглинной, – Сходня, Сетунь, Городня, Нищенка, Химка, Котловка, Чура, Таракановка, Пресня, Филька (Хвилка), Кровянка, Рачка. Среди них следует особо выделить Сетунь, чье русло является более древним по отношению к современной долине Москвы-реки и где на левом берегу недалеко от устья обнаружены следы древнего городища.

Большинство московских рек и ручьев издревле питались как за счет подземных вод, так и многочисленных болот. Недаром существует старая поговорка: «Москва стоит на болоте, в ней ржи не молотят, а больше нашего едят». Все правобережье Москвы-реки против Кремля между современными Большим Каменным и Москворецким мостами до XVIII века представляло собой заболоченную местность с небольшими озерами – «старицами». Громадные непроходимые болота находились на пойменных берегах большинства ее притоков. Ныне почти все болота и озера засыпаны, но под толщей земли нередко залегают массивные торфянистые и илистые прослойки. К примеру, в районе Нагатино («на гати»).

Красота нашей столицы зависит, в первую очередь, от Москвы-реки и ее берегов, богатых крутыми склонами, холмами и низинами. В «Книге о Московском посольстве» (XVI век) Иовий пишет: «Это самый славный из всех городов Московии как по своему положению, которое считается срединным в стране, так и вследствие замечательного удобного расположения рек, обилия жилища и громкой известности весьма укрепленной крепости». Наталья Кончаловская писала:

Москва-река, тебе хвала!
В веках ты видела немало.
Когда б ты говорить могла,
Ты многое бы рассказала.
Ты б рассказала нам о том,
Как люди начали селиться,
За тыном – тын, за домом – дом
Росло на берегу твоём
Начало будущей столицы.

Река молчит. Но люди заставили говорить камни. Археологи вели раскопки на высоких холмах по речным берегам и обнаружили более десятка селений, стоявших здесь не меньше, чем две тысячи лет назад. Найдены также отчетливые следы заселения человеком московских окрестностей даже за десять тысяч лет до наступления нашей эры.

Москва-река не только была торговым путем и заслоном от врага, но и кормилицей. Она снабжала население питьевой водой и рыбой, привлекала к себе птиц и зверей, к ней сгоняли на водопой скот. На ее берегах произрастали многие дикие и лекарственные растения, ягоды и грибы. Весенние разливы способствовали плодородию почв, используемых под огороды и сенокосы. Даже во второй половине XIX века рыболовы добывали на удочку (применение сетей и верш в черте города запрещалось) в год не менее 500 пудов плотвы и еще столько же иной рыбы: язей, ершей, ельца, подуста. Что уж тут говорить про времена первых московских князей! Тогда обилие и разнообразие рыбы было столь велико, что можно было накормить ею всю Русь. Но другие княжества не нуждались в чужих речных дарах – у самих такого добра было в достатке.

В старину на территории нынешней Москвы протекало не менее 150 речек и ручьев, существовало свыше 800 болот, прудов, озер и стариц.

Все болота и большинство озер в прошлые столетия уничтожили. Притоки же Москвы-реки, хоть и текут теперь в своем подавляющем большинстве под землей, продолжают способствовать сохранению в городе зелени. Их поймы не были полностью застроены и стали бульварами. Красногвардейский бульвар в рай-оне Пресни обязан своим существованием ручью Студенец, Звездный и Ракетный бульвары в Останкине – Копытовке, Самотечный и Цветной бульвары, а также Александровский сад – Неглинной. О речке Ольшенке напоминает местность между улицами Костромская и Пришвина...

Но, даже гуляя по заасфальтированному городу и разглядывая таблички с названиями улиц, мы убеждаемся, что Москва стояла на мокром месте: Балчуг³, Левобережная, Кашенкин Луг, Песчаная, Краснопрудная, Черногрязская, Озерная, Заречная, Затонная, Ключевая...

³ Происходит от татарского слова «балчех» – грязь, болото.

Сословия

Москва есть большой провинциальный город, единственный, несравненный: ибо что значит имя столицы без двора? Москва идет сама собою к образованию, ибо на нее почти никакие обстоятельства влияния не имеют. Здесь всякий может дурачиться как хочет, жить и умереть чудачком. Самый Лондон беднее Москвы по части нравственных карикатур. Какое обширное поле для комических авторов, и как они мало чувствуют цену собственной неистощимой руды! Надобно еще заметить, что здесь семейственная жизнь, которую можно назвать хранительницею нравов, придает какое-то добродушие и откровенность всем поступкам. Это заметил мне англичанин-путешественник, который назвал Москву прелестнейшим городом в мире и прощался с нею со слезами.

Константин Батюшков

Дворянство

Первоначально в XII веке дворянами называли служилых людей бояр и князей, которые заменили дружинников. Начиная с XIV века они стали получать за свою службу поместья, которые, в отличие от вотчинных земель бояр, не наследовались. Со временем дворяне в Москве приобретают все большую силу, становясь опорой великих князей и царей и постепенно сливаясь с боярством. Они стали обозначать высший класс населения России.

Дворянин! С каким достоинством на Руси в XVIII веке стали носить сие имя! Нареченные им становятся схожими с Ясонами и Гераклами – еще не боги, но уже не человеки. Они всем отличаются от остального русского населения – и платьем, и пренебрежением к родному языку, и усадьбами, созданными для единственной цели – развлечения. «В преданиях и усадьбах старых русских бар, – писал историк В. О. Ключевский, – встретим следы приспособлений комфорта и развлечения, но не хозяйства и культуры; из них можно составить музей праздного баловства, но не землевладения и сельского управления».

Современники по-разному относились к образу жизни своих богатых соотечественников...

«Отличаясь таким образом от массы народа, – писал основоположник финансовой науки в России Н. И. Тургенев, – преимуществами, образом жизни, костюмом и языком, русское дворянство было наподобие племени завоевателей, взявшего на себя всю силу нации вносить другие инстинкты, стремления, иметь другие интересы, чем большинство».

Зато писатель Ксенофонт Полевой искренне грустил о вельможных домах, наполненных няньками, мамками, пленными турчанками, арапами, карлицами, горничными и сенными девками: «Прежде все, казалось, для того только и жило, чтобы пировать и веселиться, и всех жителей можно было разделить на угощаемых и угощающих, а остальные, мелкие москвичи, были только принадлежностью их».

Провинциальный чиновник Гаврила Добрынин посетил Москву в 1785 году, когда екатерининский «век просвещения» был в самом разгаре: «Проживши там недели с три на чужом столе и в бесплатной квартире, возвратился в Могилев, довольствуясь иногда воспоминанием виденных там предметов, которых смешение нельзя было не видеть, то есть обилия и бедности, мотовства и скупости, огромнейших каменных домов и вбившихся в землю по окна бедных деревянных хижин, священных храмов и при них торговли и кабаков, воспитания и разврата, просвещения и невежества. Получивших богатое наследство видел бед-

ными, гордыми и подлыми. Там подпора Отечества занимается с вечера до утра важными пустяками, названными игрою, и за игру вызывает на поединок, а от восхождения до захождения солнца спят».

В конце XVIII – начале XIX века Москва представляла собою подобие инвалидного дома для высшего дворянства, бывшего «в случае» при императрице Екатерине II. Они украшали себя бриллиантами и орденовыми лентами и, тратя капиталы, добивались лести менее состоятельных москвичей и крепостных лакеев. Но время шло, и азиатскую роскошь постепенно приходилось забывать, более обращая внимание на простонародную потеху. Но еще в 1840-х годах, судя по воспоминаниям Б. Н. Чичерина, дворянство продолжало веселиться: «Все это кружилось, вертелось, ездило друг к дружке. Каждое утро и почти каждый вечер были приемные дни то у тех, то у других. Зимой, кроме балов и вечеров, бывали катанья на тройках и пикники за заставой. 1 мая – неперемный пикник в Сокольниках, куда ездили самые нарядные московские дамы. На Масленице веселье было в самом разгаре; были утренние балы в Дворянском собрании, где также собиралось все московское общество, а в последний день то здесь, то там танцевали с утра до 12 часов ночи. Великим же постом наступала пора карточных вечеров. Собирались иногда более пятидесяти человек; хозяйка хлопотливо устраивала для всех подходящие партии и, усадив гостей за зеленый стол, сама наконец с легким сердцем садилась за свою заранее подобранную партию. При этом я должен сказать, что за все шесть лет моего пребывания в московском большом свете я не видел никаких дурных сплетен и ссор. Москва думала только о том, чтобы вести независимую и приятную жизнь, с сохранением самого строгого приличия и при хороших отношениях друг к другу».

Еще более праздную картину жизни московского дворянства первой половины XIX века рисует Н. И. Шатилов: «Большинство тогдашнего дворянства жило праздно и легко-

мысленно и, если и занималось самообразованием, то оно касалось только эстетической стороны, ничего общего с требованием практической жизни не имеющей: о практической жизни мало кто думал. Женщины увлекались французскими романами, заводили флирты, выезжали в свет, делали визиты, сами принимали гостей; многие из них даже не каждый день видели своих детей, которые обыкновенно жили на антресолях на попечении няnek и иностранных гувернанток...

Мужчины, если не служили, то занимались тоже исключительно жизнью в свое удовольствие... Об интересах страны и даже о своих собственных выгодах мало кто думал: на то существовали бурмистры и управляющие. Дела шли по щучьему велению и по барскому хотению – их дело было получать готовые деньги и тратить их на свои удовольствия. Понятно, что такие люди, лишившись дарового труда, не могли устоять и должны были разориться».

Конечно, встречались среди московского дворянства и люди, блестящие умом и постоянно трудившиеся, но на них в высшем обществе смотрели как на чудаков и оригиналов, взявшихся не за свое дело.

Расходы на жизнь в 1860-х годах увеличились. Дворянская Москва все еще веселилась, не в силах уничтожить привычку жить на барскую ногу. Началось разорение дворянства. Одни уезжали из Москвы за границу, надеясь там сократить расходы, живя в дешевых меблированных комнатах, другие переселились в провинциальные города, где все стоило дешевле. Третьи стали искать государственной службы с хорошим жалованьем.

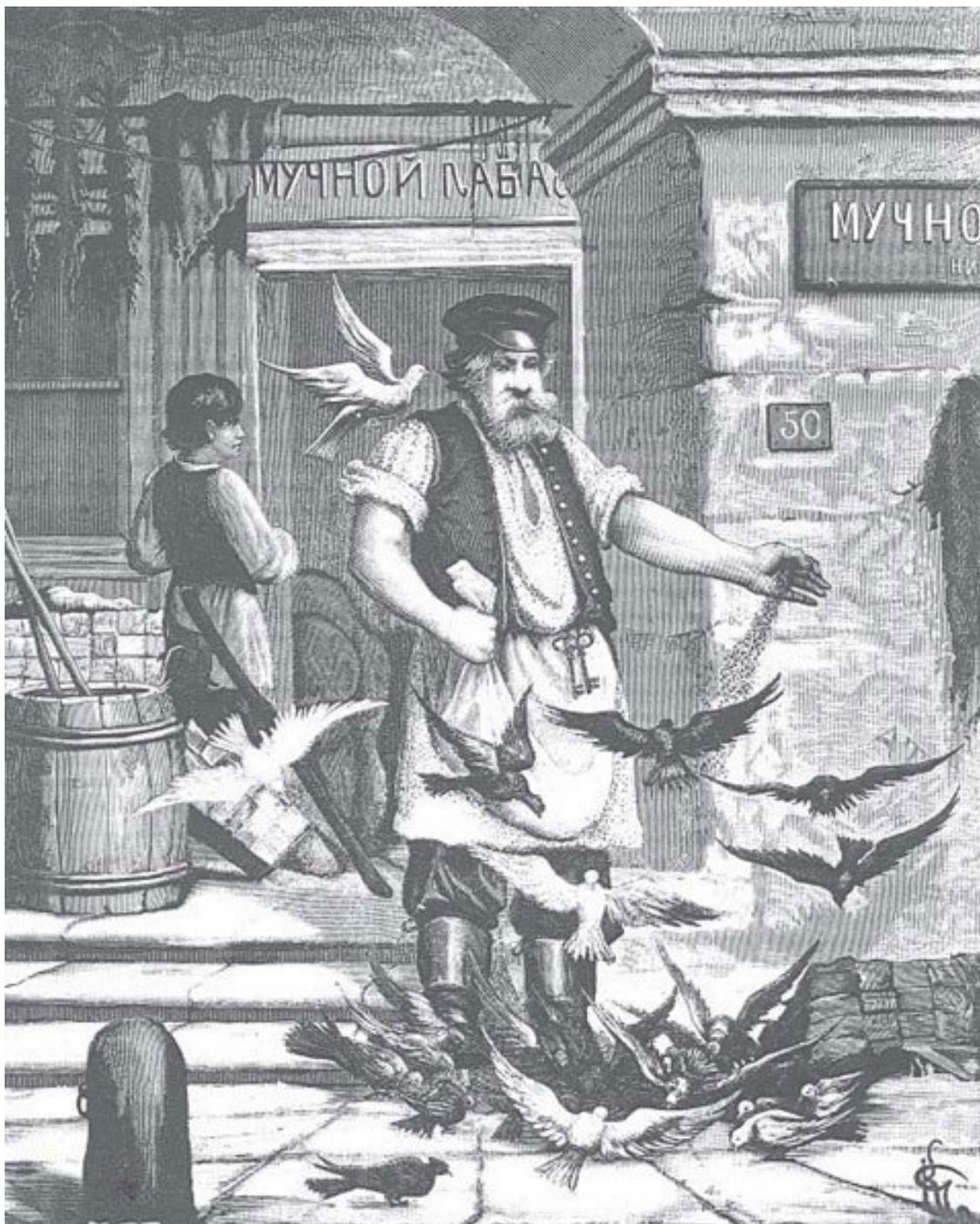
Купечество

Купечество представляло собой поначалу исключительно торговое сословие и лишь со временем завладело фабриками, железными дорогами и банками. До Петра I самые богатые из них, что вели иностранную и оптовую торговлю, назывались гостями. Купцы поплотше составляли черные сотни. Лишь в 1720 году был учрежден купеческий магистрат и купцов разделили на три гильдии. В эпоху Екатерины II объявивший капитал от одной до пяти тысяч рублей принадлежал к купцам третьей гильдии и занимался лишь мелочной торговлей. Если же его сбережения равнялись от пяти до десяти тысяч рублей, то он уже принадлежал ко второй гильдии и мог торговать, чем захочет. Свыше десяти тысяч имели купцы первой гильдии, которым позволялось иметь собственные фабрики и вести торговлю с другими странами.

Почти все именитые московские купеческие фамилии – крестьянского происхождения. Когда-то их предок с котомкой за плечами пришел в Москву и, благодаря крестьянской сметки, повел удачную торговлю. Его потомки умножили капиталы и стали ворочать тысячами, а то и миллионами рублей.

С середины XIX века, и даже немного раньше, главным московским жителем становится купец. Он хоть и ходит, как мужик, в бороде и сапогах, но живет в бывших дворянских особняках, ездит учиться за границу и ворочает миллионными капиталами. Ох, и досталось же купцу от литераторов-разночинцев! Губернатора в фельетоне высмеять боязно, да и цензура не позволит, мастерового – зазорно, а вот московский негоциант – сущий подарок для любителей насмеяться. В «Будильнике», «Развлечении», других сатирических журналах и в газетах помещали бесчисленное множество карикатур на одну и ту же тему: купец, с короткими ножками, огромным животом и бычьей шеей, подстриженный в кружок, хлещет по трактирам водку и произносит глупые речи. Рядышком пустят пару анекдотов о патриотизме купца и любви к гусю и каше. Не обойдется и без юмористического стишка.

Сколько злых завистливых слов потрачено литераторами, завидовавшими быстрому богатению вчерашних крестьянских пареньков. Только ленивый купца не бранил, не надсмехался над ним и его семейством в пьесах и романах. Ну, а московские негоцианты тем временем скупали у благородных господ земли, особняки, картины и книги. Прожившееся высшее сословие, продавая свои наследственные богатства, любило позубоскалить, что жизнь купечества заключена в коммерции, как светильня в плошке; ум зарыт в барышах, словно орех-двойчатка в кожаной кисе; что благородные занятия торговцев – жирный сом, крепкий сон и парная баня; душевные потребности – преферанс, толкование снов и ворожба на кофейной гуще; необузданные страсти – жирные лошади, такие же жирные жены и золотые медали, покупаемые стотысячными пожертвованиями на богадельни...

Нелегка купеческая жизнь, здесь мужицкая сноровка и труд с рассвета до заката нужны. Иной раз пожалеешь московского торговца: туга мошна, да вся изошла на взятки, подношения, подарки правителям канцелярий, полицмейстерам, частным приставам, квартальным и прочим, стоящим у власти согражданам.

Конечно, среди московских купцов было превеликое множество дураков и негодяев. Но в каком сословии в них недостаток?.. Зато именно купечество способствовало развитию московской промышленности, науки, культуры, медицины, благотворительности.

«Ядро коренного московского народонаселения составляет купечество, – утверждал еще в 1844 году В. Белинский. – Девять десятых этого многочисленного сословия носят православную, от предков завещанную бороду, длиннополый сюртук синего сукна и ботфорты с кисточкою, скрывающие в себе оконечности плисовых или суконных брюк; одна десятая

позволяет себе брить бороду и по одежде, по образу жизни, вообще по внешности, походит на разночинцев и даже дворян средней руки. Сколько старинных вельможных домов перешло теперь в собственность купечества! И вообще эти огромные здания, памятники уже отживших свой век нравов и обычаев, почти все без исключения превратились или в казенные учебные заведения, или, как мы уже сказали, поступили в собственность богатого купечества...

Но не в одних княжеских и графских палатах – хороши также эти купцы и в дорогих каретах и колясках, которые вихрем несутся на превосходных лошадях, блистающих самую дорогою сбруею».

Московскому купечеству 1870-х годов посвятил свой роман «Китай-город» Петр Боборыкин. Он уже представляет купца как хозяина города, который и в суде заседает, и городские дела решает, и просвещение берет под свою опеку. Князей Юсуповых и Голицыных, заправлявших Москвой XVIII века, сменили гораздо более просвещенные мужики – Рябушинские, Морозовы, Третьяковы.

К концу XIX века старая Москва с ее маленькими темными лавочками и настырным зазыванием приказчиков стала отходить в прошлое. Стремительно образовывались акционерные компании и банки, где ворочали такими громадными деньгами, о которых раньше и подумать не смели. Появились новые, со стеклянными потолками магазины, в которых горели молочные электрические люстры и продавали первоклассный товар, слово «кредит» стало понятным и естественным, Ильинка с ее биржей заработала на полную мощь.

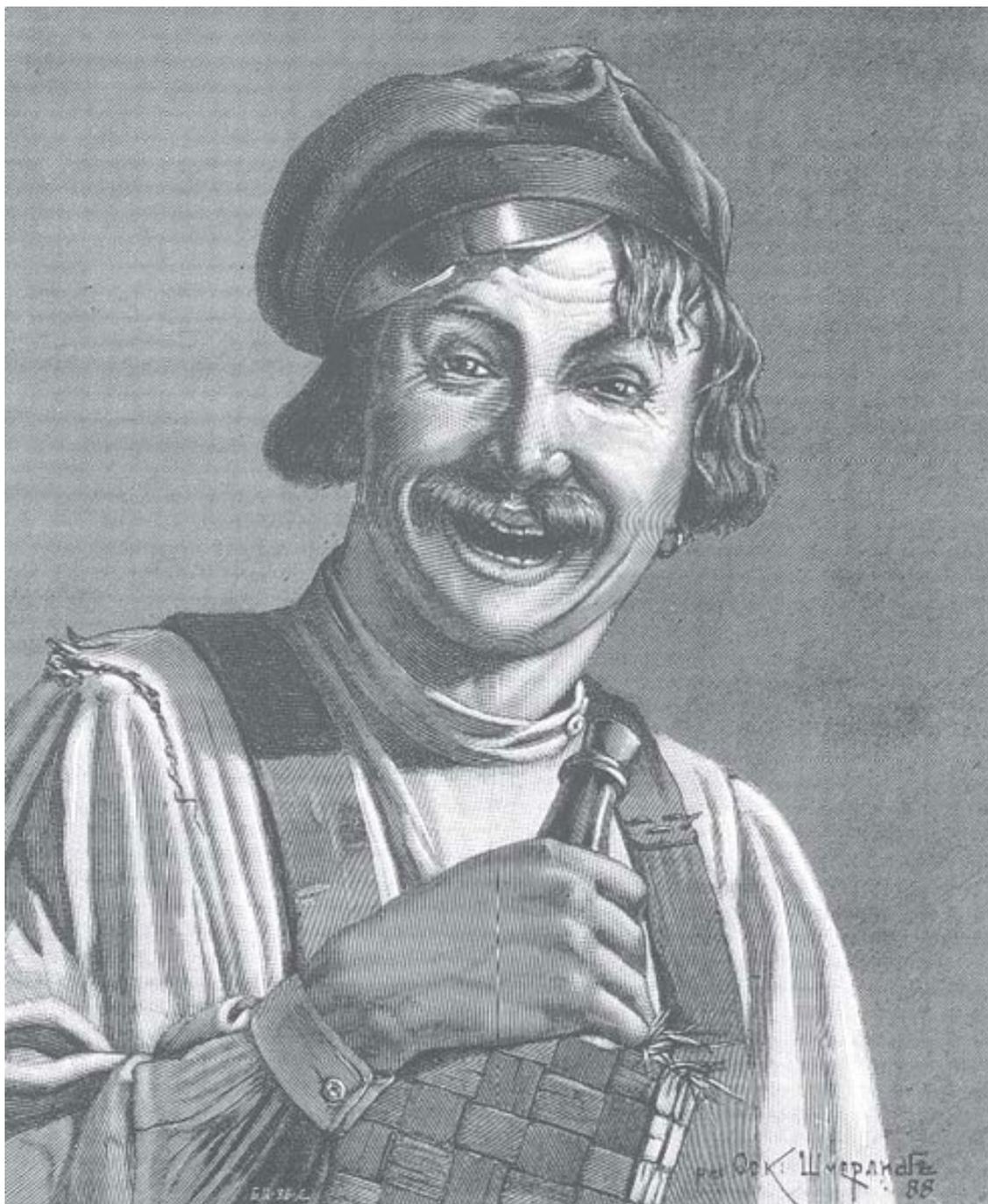
Московский купец стал иным. Он уже не выпивал перед работой самовар чая, а наскоро проглатывал завтрак, пробегая газеты, и спешил в Китай-город. Здесь в конторе его ждали конторщики, компаньоны, груды писем и телеграмм. И даже обед в «Славянском базаре» тех, кто побогаче, и у «Арсеньича», кто победнее, проходит в разговорах о делах с клиентами. Между столиками вертятся ловкие и юркие комиссионеры, устраивают нужные знакомства, разузнают о кредитоспособности покупателей, сообщают последние биржевые новости. Шмыгают половые, гудят голоса, звенит посуда, и под этот шум совершаются миллионные сделки, подписываются векселя и контракты.

Простолюдин

Злые языки болтали, что типичный москвич – это дворянин сорока-пятидесяти лет, в далекой юности прослуживший пару лет в полку и тогда же прочитавший пару вольнодумных книг Вольтера. Со временем, озлобленный своей незначительностью, расставшись с мечтой наскоком преобразить Отчизну, он стал люто ненавидеть ее и заперся в своем родовом гнезде, общаясь с Россией лишь раз в год – когда крепостные крестьяне привозят деньги и товар.

Другие отмечали, что в Москве скорее исчезнут квас и калачи, чем чванливые чиновники в мундирах с начищенными пуговицами и при часах на золотой цепочке. Сии сановники предложение о взятке считают оскорблением, а берут невестами с приданым не менее десяти тысяч рублей.

Третьи верили, что хваткий купец – высшее достояние города. Он с малых лет уразумел, что собственных суждений о религии, царской фамилии и полицейских чиновников иметь не следует. Воспитанный в духе строгой дисциплины и национальной гордости, деловой хват смело берет займы под проволочный завод или кабак, а чтобы отмаливать то и дело нарождающиеся грехи, держит в доме с пяток прорицателей и иконостас старого письма.

Но чего только не наболтают о Москве и ее обитателях! «Нам, русским, не надобен хлеб, – говаривал юродивый Архипыч, пользовавшийся почетом у императрицы Анны Иоанновны, – мы друг друга едим и сыты бываем».

И сколь языком не трепи, а главным московским жителем всегда был и будет простолюдин. Благодаря его нескончаемому труду, непредсказуемой смекалке и жизнелюбивому характеру крепок и самобытен город. И всякий раз, когда приходила беда, кузнецы, плотники и огородники по доброй воле поднимались на крепостные стены монастырей и Кремля, чтобы исполнить, может быть, свой последний долг перед Родиной.

Иностранцы

*Оправив сбрую, на которой
Блестел набор из серебра,
Немчин кобылу тронул шпорой
И важно съехал со двора.
Он наблюдал враждебным взглядом,
Как просыпается Москва.
На чепраке с метлою рядом
Болталась песья голова.*

Д. Б. Кедрин

Иностранец – это человек, не являющийся подданным государства, на территории которого находится. Так что знаменитых «орлов гнезда Петрова», швейцарца Франца Лефорта или шотландца Якова Брюса, занимавших в России важные государственные посты, скорее можно назвать инородцами или иноплеменниками. Как, впрочем, и знаменитую династию Рюриковичей, ведущую свой род от варягов. Иностранцами же являлись приезжавшие на время в Россию торговые и мастерские люди, послы и их свита. В XV–XVI веках их было в Москве не много, так как Польша и Ливония не пускали через свою территорию почти никого в землю своего извечного врага – России. Чаще всего это были посольства больших государств.

Существовали особые русские посольские обычаи общения с дипломатами, связанные, главным образом, с их принадлежностью к иному вероисповеданию.

Торжественные приемы иноземных послов в Грановитой палате – обряд довольно редкий и потому обставлялся с чрезвычайным блеском и великолепием. Грановитая палата убиралась дорогими коврами и уставлялась по стенам и возле среднего стола громадным запасом золотой и серебряной посуды. Все лестницы, сени, переходы и дворцовые покои, по которым проходило посольство, украшались по стенам особым «шатерным нарядом», то есть дорогими цветными материями.

Посольская изба

Непрерывный ряд царедворцев различных чинов стоял во всех дворцовых покоях на пути посольства и поражал иноземцев блеском и роскошью своих парчовых и бархатных кафтанов. Но, вступив в Грановитую палату и увидев царя, сидевшего на троне в *большом наряде*, окруженного важнейшими сановниками и символами его державной мощи, иноземцы во сто крат больше прежнего были изумлены необычайным богатством царской казны. Не только шапка, бармы и прочие одежды государя горели большими драгоценными камнями, но и царский трон, иконы над ним и по бокам также блистали золотом, рубинами, алмазами, изумрудами и яхонтами. Юноши в белых атласных кафтанах, с золотыми цепями на груди, с позолоченными топориками на плечах стояли по сторонам от трона в виде почетной стражи. Бояре и духовенство сидели и стояли вокруг стен и возле трона в глубоком и почтительном молчании. Недалеко от трона стояли и государевы стряпчие, то есть чиновники, которые носили за государем и подавали ему в случае надобности посох, платок, коврик под ноги, складной стул и т. п.

Среди стряпчих иноземцы в Грановитой палате выделили одного, который держал на серебряном блюде полотенце. Он по данному знаку подавал государю серебряный рукомыльник и такую же лоханку, в которой царь мыл руки, а потом вытирал их лежащим на блюде полотенцем. Этот обряд омовения совершался государем каждый раз, когда ему приходилось принимать из рук иноземцев привезенные ими грамоты или допускать их *к руке*. Вероятно, при этом имелся в виду подобный же обычай византийского придворного этикета. Но не следует исключать и предрассудок против всего иноземного, как нечистого и басурманского, который был сильно распространен в Московской Руси. Он стал исчезать только со времен Петра I, который близко стал общаться с иноземцами и приучать к тому же своих приближенных.

Обряд омовения рук царем после приема иноземных послов

Обычай омовения рук производил тяжелое впечатление на послов. Они осязательно убеждались в том, как пренебрежительно смотрят русские на иностранцев.

Интересные записи о приеме царем Иваном IV Грозным послов оставил английский путешественник Джером Горсей. Вот как царь принимал английского посла.

«Как было назначено, около 9 часов в этот день улицы заполнились народом и тысяча стрельцов, в красных, желтых и голубых одеждах, выстроенных в ряды своими военачальниками, верхом, с блестящими самопалами и пищалями в руках, стояли на всем пути от его двери до дворца царя. Князь Иван Сицкий в богатом наряде, верхом на прекрасной лошади, богато убранной и украшенной, выехал в сопровождении 300 всадников из дворян, перед ним вели прекрасного жеребца, также богато убранного, предназначенного для посла. Но он, недовольный тем, что его конь хуже, чем у князя, отказался ехать верхом и отправился пешком, сопровождаемый своими слугами, одетыми в ливреи из стамета⁴, хорошо сидевшие на них. Каждый из слуг нес один из подарков, состоявших в основном из блюд. У дворца их встретил другой князь, который сказал, что царь ждет его. Баус⁵ отвечал, что идет так быстро, как может. <...> Переходы, крыльцо и комнаты, через которые вели Бауса, были заполнены купцами и дворянами в золототканых одеждах. В палату, где сидел царь, вначале вошли слуги посла с подарками и разместились по одну сторону. Царь сидел в полном своем величии, в богатой одежде, перед ним находились три его короны, по обе стороны царя стояли четверо молодых слуг из знати, называемых рынды, в блестящих кафтанах из серебряной парчи с четырьмя серебряными топориками. Наследник и другие великие князья и прочие знатнейшие из вельмож сидели вокруг него. Царь встал, посол сделал свои поклоны, произнес речь, предъявил письма королевы. Принимая их, царь снял свою шапку, осведомился о здоровье своей сестры, королевы Елизаветы. Посол отвечал, затем сел на указанное ему место, покрытое ковром. После короткой паузы, во время которой они присматривались друг к другу, он был отпущен в том же порядке, как и пришел».

Совсем по-иному Иван Грозный принимал крымского посла.

«Его великий враг <...> послал ему своего посла в сопровождении других мурз. По их обычаю так называли знать. Все они были на хороших конях, одеты в подпоясанные меховые одежды с черными шапками из меха, вооруженные луками и стрелами и невиданными богатыми саблями на боку. К ним была приставлена стража, караулившая их в темных комнатах, лучшей пищей для них было вонючее конское мясо и вода. Им не давали ни хлеба, ни пива, ни постелей.

Когда пришло время представить посла царю, все они подверглись еще и другим обидам и оскорблениям, но перенесли это с равнодушием и презрением. Царь принял их во всем великолепии своего величия, три венца стояли перед ним, он сидел в окружении своих князей и бояр. По его приказанию с посла сняли тулуп и шапку и надели одежду, затканную золотом, и дорогую шапку. Посол был очень доволен, его ввели к царю, но его сопровождавших оставили за железной решеткой, отделявшей их от царя. Это сильно раздражало посла, который протестовал своим резким, злобным голосом, с яростным выражением лица. Четыре стражника подвели его к царю. Тогда это безобразное существо безо всякого приветствия сказало, что его господин, <...> «великий царь всех земель и ханств, да осветит солнце его дни, послал к нему, Ивану Васильевичу, его вассалу и великому князю всея Руси, с его дозволения узнать, как ему пришлось по душе наказание мечом, огнем и голодом, от которого он посылает ему избавление. – Тут посол вытащил грязный острый нож. – Этим ножом пусть царь перережет себе горло».

Его торопливо вытолкали из палаты без ответа и попытались было отнять дорогую шапку и одежду, но он и его сопровождавшие боролись так ожесточенно, что этого не удалось сделать. Их отвели в то же место, откуда привели, а царь впал в сильный приступ ярости, послал за своим духовником, рвал на себе волосы и бороду как безумный».

⁴ *Стамет* — вид шерстяной ткани.

⁵ *Баус* — английский посол.

В царствование Федора Ивановича, сына Ивана Грозного, Москву зимой посетили венецианские послы.

У церкви стояла большая толпа нищих, убогих, калек которые ждали выхода после богослужения царя.

Царь Федор Иванович усердно молился. Когда он поднимал свое лицо вверх, глаза светились чистой детской верой и особенной добротой. Голубой кафтан, вытканый золотом, с золотым оплечьем, нежно оттенял лицо царя и белокурые волосы.

– Царь! Гонец прискакал. Говорит, заморские гости близко.

Федор Иванович повернул лицо к Борису Годунову и ласково сказал:

– Встреть их, шурин, а я помолюсь еще.

Когда Годунов вышел на паперть, к нему подскочил ратник и, запыхавшись, несвязно выкрикнул:

– Едут!.. Едут!.. Скоро у заставы!..

– Бояре, – обратился Годунов к спутникам. – Поезжайте к заставе и встретьте с честью гостей заморских.

У заставы бояре остановились. Невдалеке перед ними в белоснежном пространстве виднелись черные движущиеся точки. Наконец, очертания послов стали резче, и бояре увидели странно одетых людей. На головах у них были шляпы диковинного покроя с перьями. На плечах – бархатные плащи, на ногах – высокие сапоги со шпорами в виде звездочек. Таких сапог никто не носил в Московском государстве.

Приехавшие любезно улыбались боярам, а те исподлобья, с любопытством разглядывали гостей. Толмач переводил приветственные слова.

Двинулись в город. Застучали копыта лошадей по бревенчатому мосту. Послов повсюду встречали любопытные взгляды москвичей, которым казался странным и наряд послов, и их шпаги. Со всех сторон неслись шутки, остроты, прибаутки.

Все поражало послов в Москве: и дома, и церкви, и колокольный звон с утра до вечера. Глава посольства Джузеппе Маджи целые дни проводил с Годуновым, в котором нашел острый и глубокий ум, тонкое понимание политики. Маджи был в восторге и от Федора Ивановича, но как истый дипломат чувствовал, что все государственные дела лежат на Годунове.

Иногда по вечерам в царские покои приглашали венецианцев. Играл на гуслях какой-нибудь древний старик, пели слепцы. Маджи рассказывал о далекой Венеции. Толмач переводил его слова царю, Годунову и приближенным боярам. Маджи говорил о своей родине, о красивых мраморных дворцах, о соборе Святого Марка, о бирюзовом нежном небе Венеции, которое смотрится в волны лагун и отражается в зеркале каналов. Описывал своих ученых, народных героев, и слушатели задумывались. Им грезилась страна, о которой рассказывал этот черноглазый венецианец, она им казалась нежной и прекрасной, как весеннее утро.

Несколько вечеров подряд у царя не было собраний. Когда же вновь собрались, Маджи отсутствовал. Годунов сказал, что посол занемог и его больного увозят домой. Так прошло первое посольство непонятных людей с далекого берега Адриатического моря.

При царе Михаиле Федоровиче Москву посетили немецкие послы.

Еще с вечера стало известно, что иноземные гости остановились в семи верстах от города и ждут почетной встречи. Разделились москвичи, как на праздник, – цветные кафтаны и шапки с меховой опушкой на мужчинах, пестрые расшитые телогреи и кокошники на женщинах. А яркое солнечное утро придает еще больше блеска и веселья шумной толпе, отовсюду слышатся смех, шутки и говор. В окнах богатых домов видны женские лица, это жены и дочери бояр и именитых людей московских. Им тоже хочется посмотреть на редкое зрелище, да неприлично знатной женщине выйти в народ, на улицу – искони не положено подобное в Московском государстве.

– Едут, едут! – послышалось вдруг, и толпа разом двинулась в сторону ближе к дороге. Но там уже по обе стороны цепью стоят стрельцы, сдерживая напор любопытных. Поезд приближается. Впереди верхом на прекрасной белой лошади из царской конюшни едет главный посол, человек лет пятидесяти со спокойным и величественным выражением лица. Видно, немалую должность занимает он у своего государя – так велика его свита, так богаты платье и вооружение. Рядом его товарищ, совсем еще юноша с блестящим задорным взглядом и волной черных кудрей до плеч. По правую руку от старшего посла едет стольник, посланный навстречу гостям, а позади в стройном порядке движется многочисленная посольская свита и отряд стрельцов. С одинаковым любопытством рассматривают друг друга иноземные послы и московский народ. Дивятся москвичи на короткие камзолы гостей, шляпы с развевающимися страусовыми перьями, сапоги с блестящими шпорами. А лица-то, лица! Ни на одном нет бороды, этой чести и гордости русского человека, – сразу видно, что нехристи.

И гости не могут надивиться на окружающее, странными и жалкими кажутся им невысокие деревянные постройки, тесные немощенные улицы. Далеко видит зоркий глаз всадников и, как ни мети и ни чисти дорогу, не скрыть московской грязи. Да и сами москвичи в тяжелых одеждах производят странное впечатление.

Медленно движется поезд по направлению к подворью, приготовленному для гостей. То и дело обращаются послы к своему спутнику с вопросами, но недаром учил стольник наизусть государев наказ, где прописаны разные вопросы и ответы на них. С достоинством отвечает он, что пожары случаются божьим соизволением, а бывают они не только в Москве, но и в иных государствах; что стоят в Москве тридцать полков ратных людей, всегда готовых двинуться на врагов по государеву слову, а сколько их стоит еще по разным городам, того и счесть невозможно. Если же гости задавали вопрос, которого не было в наказе, стольник уклончиво замечал, что он-де человек служивый, приехал из своего поместья недавно и ему о том ничего не известно.

Но вот наконец и доехали. Среди обширного двора длинное низкое здание с многочисленными надстройками и пристройками приготовлено для гостей. Разместив послов, стольник отправляется доложить государю об их благополучном прибытии.

Тесно и неприглядно показалось иноземцам в их временном жилище. Бревенчатые стены, маленькие окна, простые деревянные столы и скамейки, покрытые сукном, – вот все, что они видели вокруг. Пойти бы посмотреть чужой город, о котором ходит столько чудесных рассказов за границей, да крепко заперты ворота посольского подворья, никто не войдет и не выйдет без государева указа. Не доверяют русские гостям, и накрепко заказано сторожам не только не пускать никого к послам, но и следить, чтобы ни с кем не разговаривали. Единственным развлечением иноземцев были игры в кегли и крокет. Ежедневно приезжал к ним уже знакомый стольник, справлялся от имени государя о здоровье, расспрашивал об иноземных вестях и расхваливал московские порядки.

Через три дня пристав объявил, что им дозволено предстать пред государевыми очами. Для торжественной встречи иноземцы одели еще более богатое и блестящее платье, чем при въезде в город. Снова двинулся посольский поезд, и снова собрались посмотреть на басурман любопытные москвичи. От посольского подворья до дворца цепью стоят по обе стороны улицы вооруженные стрельцы. Впереди идет отряд жильцов – царская гвардия в тридцать человек, – а за ним посольские люди несут подарки для государя. На больших подносах расставлены серебряные кувшины и кубки, два тяжелых подсвечника из литого серебра, столовые, с боем, часы, зеркало в серебряной раме с тонкой резьбой и ящик из дорогого черного дерева с аптекарскими снадобьями. Все это шлет римский цесарь в знак своей любви и уважения – государю московскому. Кроме того, послы от себя несут несколько дорогих серебряных вещей и два куска роскошно вышитой шелковой материи.

Из дворца один за другим посылались гонцы с приказанием двигаться то быстрее, то медленнее, так как послы должны были переступить порог как раз в тот момент, когда государь сядет на трон. Не доезжая до Красного крыльца, они сошли с лошадей и, по исконному обычаю, продолжали путь пешком.

Государь ожидал их в Золотой палате, сидя на богато украшенном троне. Четыре столба, увенчанных серебряными орлами с распростертыми крыльями, поддерживали балдахин. Царское платье из золотой парчи было унизано драгоценными камнями. В руках государь держал золотой скипетр, а возле него на особой подставке покоилась золотая держава. На ступеньках перед тронном стояли четыре рынды в белых парчовых кафтанах с горностаевой опушкой, в белых же сапогах, с золотыми цепями на груди и блестящими топориками в руках. Вдоль стен палаты на покрытых сукном лавках сидели бояре в парчовых шубах и высоких шапках – наряд, который надевался в торжественных случаях как зимой, так и летом.

В палату вошли оба посла и трое из дворян, остальная свита осталась в соседней комнате. Остановившись в десяти шагах от трона, послы отвесили глубокий поклон, и старший из них, произнеся приветственную речь от имени своего государя, подал грамоту. При упоминании имени цесаря царь встал со своего места и снял шапку в знак уважения. Далеко не все иностранные правители удостоивались подобной чести, иногда царь снимал шапку, не вставая, или даже просто прикасался к ней рукой, точно желал поправить ее на голове.

Выслушав приветствие и спросив послов о здоровье цесаря, государь пожаловал их к руке. Думный дьяк громко повторял его слова, а толмач – переводил. После целования руки послов пригласили сесть на скамейку, стоявшую посередине палаты, а царю поднесли золотую лохань с водой и полотенце, чтобы он вымыл руки после басурманского поцелуя. Затем ему стали подносить посольские дары. Каждую вещь он принимал в свои руки и передавал ближнему боярину.

По окончании этой церемонии думный дьяк объявил послам, что государь их жалует к своему столу. Поблагодарив за милость, они низко поклонились и в сопровождении нескольких человек вышли в соседнюю палату, где ожидали с полчаса. Наконец их ввели в Грановитую палату, где столы ломились от целых гор кушаний, которые, по русскому обычаю, подавались не одно за другим, а сразу целыми десятками.

Накушавшись и наевшись безмерно, иноземцы возвращались на подворье, а стольник, по обычаю, отправлялся вслед и предлагал гостям, которые уже были не в состоянии что-либо съесть или выпить, еще один кубок вина от имени государя. Возвратившись во дворец, он докладывал царю, что обрадованные его милостью послы упились пьяны и лежат без памяти.

На другое утро послам было объявлено, что они могут теперь свободно гулять по городу. Для охраны, а главное – для надзора им дали отряд из нескольких стрельцов. Целых две недели еще пробыли они в Москве. Их приглашали присутствовать при торжественных выездах государя на богомолье, забавляться соколиной охотой, наблюдать за встречей татарских послов. Все эти мероприятия были обставлены с такой роскошью, что иноземцам Москва казалась сказочной страной.

Спустя две недели их снова позвали во дворец, вручили роскошные собольи меха в подарок как цесарю, так и самим послам, и в тот же день торжественно проводили из Москвы. До самой границы, меняясь, сопровождали их стрельцы. Наконец закончилось долгое и утомительное путешествие, о котором будет что порассказать дома, поделиться впечатлениями о диком и сказочно богатом стольном граде Москве.

Лишь при Петре I русские люди начали сами время от времени ездить за границу и принимать у себя иностранцев более-менее запросто. Хотя патриархальные москвичи при-

чиной всех бед всегда выставляли Немецкую слободу, где находили себе приют чуждые им во всем люди.

С XVIII века иностранцы, главным образом, посещали Петербург, где был сосредоточен весь блеск императорского двора. В Москве же, хоть часть жителей и лопотала на своем тарабарском наречении и ходила молиться в иноверческие храмы, но считалась российскими подданными, и многие из них оставались здесь навсегда. Историк Н. Н. Бантыш-Каменский даже отметил, что после чумы 1771 года «на Москву напала другая зараза – французолюбие. Много французов и француженок наехало с разных сторон, и нет сомнения, что в числе их были очень вредные». Но французов русский народ до войны 1812 года любил за их почти русскую беспечность и незлобие: «Французик – веселая голова, живет спустя рукава, дымом греется, шилом бреется, сыт крупницей, пьян водицей».

Иностранцы, ставшие москвичами, переняли у коренных жителей города много как плохих, так и хороших обычаев. Среди хороших дел следует выделить создание широкой сети благотворительных обществ и учреждений. И если на первых порах она помогали только людям своей нации или вероисповедания, то с годами и многим другим нуждающимся.

Столица просвещения

Чем внимательнее всмотримся мы в умственное движение русское и в отношение к нему Москвы, тем более убедимся мы, что именно в ней постоянно совершается серьезный размен мысли, что в ней создаются, так сказать, формы общественных направлений. Конечно, и великий художник, и великий мыслитель могут возникнуть и воспитаться в каком угодно углу русской земли; но составиться, созреть, сделаться всеобщим достоянием мысль общественная может только здесь. Русский, чтобы сдуматься, столкнуться с русскими, обращается к Москве.

А. С. Хомяков

Первые рукописные книги создавались в московских монастырях. Старейшая из них, дошедшая до нашего времени, Сийское Евангелие 1339 года. В XIV–XVI веках создание рукописных книг было тесно связано с иконописными школами, которые искусно украшали их.

В XVI веке жизнь заставляла русских людей все чаще обращаться к иноземцам. Докторов, художников, мастеровых и ремесленников все больше и больше приглашали из-за границы. Москвичи считали их погаными еретиками и старались держаться от их жилищ подальше. Но не все русские люди брезговали иноземцами, кое-кто умел ценить их знания и мастерство.

К числу последних принадлежал и дьякон Николо-Гостунской церкви Иван Федоров. Он часто заглядывал в Немецкую слободу послушать рассказы, какие быстрые успехи делает на Западе просвещение, благодаря тому, что Иоганн Гутенберг сто лет назад изобрел типографский станок и подвижные буквы. Изобретение книгопечатания очень удешевило книги и сделало их доступнее. Иван Федоров уже раньше слышал об этом дивном изобретении от своего приятеля Петра Мстиславца, выходца из Западной Руси, лежавшей поблизости от стран просвещенной Европы. Теперь ему захотелось самому попробовать изготовить печатный станок. В свободное от церковной службы время он стал запирается у себя в доме и упорно работать. Готовил формы, отливал металлические буквы, делал первые опыты печатания. Опыты удались, но не было средств, чтобы расширить дело. И тут помог случай.

Прослышал Иван Федоров, что царь ищет человека, который мог бы печатать книги, и добился приема у него. В присутствии митрополита и бояр он показал Ивану Васильевичу отлитые буквы и свои первые опыты печатания, подробно рассказал о своей работе и заверил в успехе и пользе печатного дела. Царь остался доволен, он ободрил Федорова и дал денег на постройку Печатного двора. Это произошло в 1553 году.

Царь Иван Грозный на Печатном дворе

Но отпущенные деньги были вскоре израсходованы, постройка остановилась, и московский люд стал смеяться над печатником, называя его за дружбу с иноземцами басурманом.

Только через десять лет сбылась мечта Ивана Федорова, и на Никольской улице, наконец, достроили большое деревянное здание со слюдяными окнами, украшенными искусной резьбой. Это была первая русская друкарня (печатня).

В течение нескольких месяцев в друкарне кипела работа. Петр Мстиславец стоял около ящиков, где лежало множество металлических букв разной величины, и составлял слово за словом страницы книги «Деяния апостольские». Иван Федоров тщательно просматривал набранное и внимательно следил, как на сделанном по его указаниям печатном станке на набор накладывались листы бумаги. Работа шла успешно, все буквы и заглавные виньетки получались чистыми и изящными. Наконец 1 марта 1564 года печатание первой книги было закончено. Царь работой остался чрезвычайно доволен, щедро вознаграждал первопечатника и велел приступить к изданию Часовника и Евангелия. Через год и этот заказ был выполнен.

Но многие люди не разделяли радость Федорова, его окружали зависть, непонимание и злоба, порожденные невежеством. Переписчики книг видели в нем врага, который распространением дешевых печатных изданий лишал их хорошего заработка. Близкие к царю люди завидовали милостям, каких удостоился первопечатник. Духовные лица, сличая печатный Апостол с рукописным, заметили, что Федоров исправил в тексте несколько ошибок, и сочли его исправления за отступление от православия. Против него было выдвинуто тяжкое обвинение в ереси. Пошли толки, что печатание книг – не божье дело, а дьявольское. Федорова стали обвинять в чернокнижии и колдовстве.

Первопечатник Иван Федоров

Однажды ночью яркое зарево поднялось над Никольской улицей. Это горела друкарня, подожженная озлобленной чернью. Сбежавшийся народ не только не помог тушить пожар, но ломал и грабил все, что удавалось спасти от огня. «Проклятый колдун!» – кричали на Федорова из толпы. Ему вместе с Петром Мстиславцем пришлось бегством из Москвы спасать свою жизнь.

Но дело, начатое Иваном Федоровым в Москве, не заглохло и после разгрома первой печатни. Здесь у него осталось несколько учеников, которые возобновили работу друкарни. А через триста лет недалеко от того места, где стоял первый Печатный двор, благодарные москвичи воздвигли памятник Ивану Федорову – «друкарю книг пред тем невиданных».

Всего в XVI веке было издано около 17–18 книг. В XVII веке книгопечатание находилось в ведении патриарха и подвергалось церковной цензуре. Было напечатано 483 книги преимущественно богослужебных. Но постепенно стали издавать и светскую литературу, главным образом учебную. Так, например, в 1634 году напечатали первый русский букварь.

Количество светской литературы резко увеличилось в эпоху Петра I. В Москве были отпечатаны букварь Ф. П. Поликарпова, «Арифметика» Л. Ф. Магницкого, а также первая русская печатная газета «Ведомости».

В 1756 году в одной из башен Кремля была открыта типография Московского университета, надолго ставшая лучшей типографией России. С ней связана и деятельность

Н. И. Новикова, взявшего в 1779 году ее в аренду на десять лет. Но расцвет книгоиздания в Москве пришелся на XIX век.

Следом за появлением книг стали появляться и книжные лавки. Судя по воспоминаниям А. Болотова, во времена Екатерины II они уже могли удовлетворить самую требовательную публику: «Пуще всего хотелось мне запастись тут какими-нибудь экономическими книгами. До сего во всей моей библиотеке не было ни одной экономической. Потому что как я ехал домой для посвящения себя навсегда деревенской жизни, то считал уже необходимостью познакомиться и с экономией. И как я всего меньше разумел оную, то и надеялся научиться оной из книг, и потому желал в Москве запастись хотя несколькими на первый случай. Но сколь же удовольствие мое было велико, когда при расповедывании о том, нет ли и в Москве книжной и такой лавки, где б продавались не одни русские, но вкупе и иностранные книги, услышал я, что есть точно такая подле Воскресенских ворот. С превеликой поспешностью побежал я в оную. Но сколь радость и удовольствие мое увеличилось еще больше, когда нашел тут лавку, подобную почти во всем такой, какую видел я в Пруссии в Кенигсберге, и в которой продавалось великое множество всякого рода немецких и французских книг в переплете и без переплета. Я спросил каталог, и, как мне его подали, то спешил отыскать в нем и потом пересматривать все экономическое. И как по счастью случилось со мною тогда довольное еще число оставшихся денег, то накупил я несколько десятков оных, и как вообще экономических, так в особенности и садовых, и повез их с собою, как новое какое сокровище, в деревню».

Книгоноша

В 1783 году московскую публику известили печатным объявлением о появлении в городе первой библиотеки, которой могли пользоваться все желающие: «Любим Рамбах, живущий против Оперного дома на Петровке, немного на правую руку, второй деревянный дом, с высоким позволением устанавливает библиотеку, состоящую из лучших романов, комедий, опер, книг исторических, политических и нравоучительных, стихотворств и пр. Те, которые любят чтение, могут оные получать для занимания у него на год, на полгода, на три месяца, на один месяц и на неделю за малую цену. Реестр его книгам, в котором находится

также и цена, могут присылать брать в вышеупомянутом его, Рамбаха, доме всякое утро от 9 до 1 часа».

Ровно сто лет все московские общественные библиотеки были платными. И лишь 13 сентября 1883 года известная благотворительница В. А. Морозова пожертвовала городскому управлению десять тысяч рублей на учреждение бесплатной читальни имени И. С. Тургенева и, кроме того, взяла на себя первоначальное обзаведение читальни книгами и содержание ее в течение первого пятилетия. Рассмотрев предложение Морозовой, особая комиссия при Государственной думе признала, что библиотека должна дать «возможность пользования книгами тем слоям населения, которым по состоянию их средств существующие библиотеки недоступны».

На средства Морозовой выстроили специальное здание, и 28 января 1885 года состоялось открытие Тургеневской читальни. К 1910 году фонд «Тургеневки» составил 14 тысяч томов. Пополнялся он и в последующие годы. Лишь в 1972 году первая бесплатная городская библиотека прекратила свое существование, так как ее здание уничтожили при прокладке Новокировского проспекта.

Наука врачевания

Фарисеи спросили: для чего Учитель ваш ест и пьет с мытарями и грешниками? Иисус же, услышав это, сказал им: не здоровые имеют нужду во враче, а больные.

Евангелие от Матфея, 9, 12

Большинство людей усердно заботятся о своем здоровье. Человека, умеющего врачевать, издавна почитали за кудесника, человека ученого или, во всяком случае, умеющего напрямую разговаривать с богами.

В стародавние времена лечили, главным образом, раны, полученные в бою и на охоте, да вывихи и переломы, без которых не обойдешься в повседневной жизни. Люди умирали, не прожив и трех-четырёх десятков лет, умирали от эпидемий и множества иных болезней, справиться с которыми не умели самые первостатейные врачи. Лишь с развитием цивилизации, принесшей в мир много зла и горестей, появились области медицины, успешно начавшие справляться с человеческими недугами – научная хирургия, прививки, приборы для диагностики...

Но вряд ли человечество когда-нибудь сумеет полностью победить болезнь. И все же, пока на Земле будут жить последователи Гиппократы, Пастера, Коха, не исчезнут врачебное искусство, врачебная наука и врачебная этика, с помощью которых людям будут продлевать жизнь, устранять причины боли, предупреждать инфекции.

Как лечились москвичи? Большинство и сто, и пятьсот лет назад народными способами. Захворает больной – привяжет себе черного хлебного мякиша, вымоченного в квасе, к голове, нюхает весь день напролет хрен, а пучок своих волос зароет под калиткой. И надеется, что болезнь как рукой снимет. Конечно, обращались иногда к знахарям и ведунам. Но больше надеялись на Божью помощь. В энциклопедии древнерусского домашнего быта первой половины XVI века «Домострое» даются советы недужным, «како врачеватися»: «Аще Бог пошлет на кого болезнь или какую скорбь, ино врачеватися Божию Милостию, да слезами, да молитвою, да постом, да милостынею к нищим, да истинным покаянием. Да отцов духовных подвизати на моление Богу, и молебны пети, и воды святите с честных крестов и со святых мощей, и с чудотворных образов, и маслом свящатися, да и по чудотворным по святым местам обещатися и приходящее молитися со всякою чистою совестью: тем цельба всяким различным недугам от Бога получитьи, тем очистися от грех и душевная и телесная болезнь иссушите».

В решениях Стоглавого собора 1551 года впервые была провозглашена необходимость государственной заботы о больных и увечных, и для них стали устраивать богадельни. Для царя же и его окружения, за неимением своих ученых лекарей, приглашали иностранцев.

Первые иноземные доктора известны в Москве со времени царствования Ивана III, то есть второй половины XV века. Из Италии вместе с архитекторами приезжали в столицу Русского государства и врачи. Однако участь их не всегда была удачна. Леон Жидовин, неудачно лечивший великого князя Ивана Ивановича был казнен через шесть недель после его смерти. Антон Немчин, также неудачно лечивший татарского царевича Каракача, был выдан головой его сыну, отведен на Москву-реку и зарезан под мостом. Но это не остановило предприимчивых иностранцев, и при Василии III их число увеличивается. К тому же бояре стали заводить у себя лекарей-самоучек.

Но чаще всего врачам, как и прочим иноземцам, направлявшимся в Московское государство, чинили всяческие препятствия приграничные с Россией государства – Польша и Германия. Лишь в 1553 году при открытии англичанами свободного морского проезда в Рос-

сию через Белое море приток иностранцев увеличился. Иваном IV Грозным было приглашено из Западной Европы немало врачей, аптекарей и цирюльников. Большинство лиц врачебного персонала по просьбе русского царя присылались английским королем Филиппом и английской королевой Марией. Так, в 1557 году вместе с послом Дженкинсоном в Россию прибыл английский доктор Стандиш, удостоившийся получить от царя «соболью шубу, крытую травчатым бархатом, и 70 рублей». Его неоднократно приглашали к царскому столу.

В 1581 году английская королева Елизавета прислала с Горсеем доктора Роберта Якоби (его в русских документах того времени именуют то Романом, то Романом Елизарьевичем) с аптекарем и фельдшерами. Это был человек, пользовавшийся у себя на родине хорошей репутацией. Весьма тепло отзывается о нем в письме Ивану IV от 19 мая 1581 года и королева Елизавета: «Упование на него положи и надейся на него».

Королева и после отъезда врачей в Россию не переставала заботиться о них. Так в мае 1582 года в памятной записке, о чем королева должна спросить при приеме русских послов, замечено: «Спросить о здоровье царя и его сыновей. На это будет отвечено, что один из них умер. Благоволит ее величество воспользоваться случаем спросить при этом, где был во время болезни этого сына доктор Якоби, ее лекарь, которого она рекомендовала царю, и как могло случиться, что он не был ранее допущен в присутствии царя, так как, по великому его искусству в его науке можно предполагать, что он спас бы сказанного царского сына».

Опять Елизавета вспомнила о докторе Роберте Якоби в письме Ивану IV от 8 июня 1583 года: «Сверх того, так как посланный нами к вам в прошлом году врач Роберт Якоби весьма нами любим, мы просим вас обходиться с ним, как добрые государи обходятся с лицом испытанным и стяжавшим чрезвычайные похвалы за многие свои добрые качества. Никогда бы мы не отпустили его от себя, если бы не жертвовали многим ради нашей дружбы и желания угодить вашему величеству. Пребывая в этом доброжелательстве к вашему величеству, мы можем лишь ожидать всего лучшего от вашего благорасположения к сказанному Якобию».

Каждая просьба Елизаветы о Якоби совпадала с периодом, когда в Московском государстве усиливались казни и пытки и все, окружавшие Ивана Грозного, трепетали за свою жизнь. Якоби, вероятно, не раз писал в Англию, прося высокого покровительства королевы, чтобы иметь хоть малую гарантию за целостность своей головы.

Иван IV относился к врачам очень хорошо, о чем свидетельствуют слова князя Курбского, что «аще убо дохтору своему, именем Арнольфу италянину, великую любовь всегда показываше».

Арнольф Линзей был превосходным врачом и математиком, он всю свою жизнь пользовался особым расположением царя и погиб в 1571 году во время московского пожара.

До чего простиралось расположение Ивана IV к Роберту Якоби видно из того, что последний играл довольно видную роль в сватовстве Грозного к леди Мэри Гастингс – дочери графа Гунтингтона и племяннице королевы Елизаветы. Он по этому поводу неоднократно беседовал с царем, который даже поручил Богдану Бельскому, Афанасию Нагому и Андрею Щелканову «по тою девку дохтора Романа расспросить подлинно». Якоби устроил даже аудиенцию у царя послу Иерониму Боусу, которого Иван IV не желал принимать ввиду нарушения этим установленного этикета.

Доктор Якоби играл не только немалую политическую роль, но даже вмешивался в религиозные вопросы. Он вместе с проповедником Кодем изложил письменно тезисы английской веры, и «царь, наградив щедро авторов, приказал прочесть тезисы публично пред многими из своей Думы и знати».

Несмотря на все это, Иван IV лекарства из рук врачей не принимал. Оно подносилось ему ближним боярином, и это считалось гарантией, что оно не включает в себе отравы. Кроме того, при поступлении на службу врачей заставляли поклясться не класть в лекарства дурных корней, а во время постов ничего скоромного.

Иноземные врачи, как чуждые русским по религиозным воззрениям и обычаям, не пользовались расположением бояр и народа. В эпоху казней им приписывалось дурное влияние на царя. Особенно худую славу по себе оставил доктор Елисей Бомелий (Бомелиус), про которого говорили, что он занимается волхованием и виноват в религиозном вольнодумстве царя.

Бомелий родом был голландец и, по свидетельству иностранцев, побывавших в Москве, был негодяем, подучавшим царя на убийства и составлявшим отраву, от которой погибали несчастные, прогневившие Ивана Грозного. Но и его настигла злая участь: по обвинению в сношениях с польским королем Стефаном Баторием его всенародно сожгли в Москве.

Иноземные врачи

Другие современники доказывают, что Бомелий был весьма образованным человеком, учился медицине в Кембридже и слыл там за искусного астролога и математика. В Лондоне народ стекался к нему, считая колдуном. Были у него почитатели и среди английской знати. Обвиненный в богохульстве, он по распоряжению архиепископа Мешью Паркера был заточен в тюрьму, откуда его освободили под условием, что он немедленно покинет Англию. Бомелия привез в Москву в 1570 году русский посол Савин. Царь приблизил его к себе и занимался с ним астрологией и алхимией.

Иван IV часто болел. Однажды он слег с тифом, и врачи прописали ему мешок блох. Но как это «лекарство» должны были применить – неизвестно. Москвичи же за то, что не сумели вовремя собрать нужное количество блох, были обложены денежной пеней в семь тысяч рублей.

В последние годы жизни Иван IV страдал «какой-то страшной болезнью». От него исходил отвратительный запах, тело покрылось волдырями и ранами. Царь страдал как физически, так и душевно. Он искал спасения в делах благотворения и молитве, у знахарей и заморских врачей. Но тщетно – не только исцеления, но и облегчения не было.

Особенно ухаживал за царем в это время его врач Эйлофф, который, по словам официальных документов, «ежедневно видел царские очи». Ходили слухи, что Эйлофф отравил Грозного.

Придворные врачи Ивана IV не имели права посещать больных без его разрешения. Сам же он нередко направлял их к больным боярам. Так, ранив постельника Гвоздева, царь послал за доктором Арнольфом. Тот нашел Гвоздева уже мертвым и сказал: «Царь и великий князь, будь лишь ты здоров, а тот уже перешел от жизни к смерти. Бог и ты, великий государь, могли умертвить его, я же воскресить его не в силах».

Первое достоверное известие о русском враче относится к этой эпохе. Это был пермский торговый человек Строганов, считавшийся «искусным в лечении недугов». Он залечивал раны, нанесенные Грозным своему любимцу Борису Годунову. Царь, лично осматривая «завороты», сделанные Строгановым на ранах своего пациента, одобрил его искусство, и в воздаянии за него пожаловал Строганова званием гостя, разрешив ему писать свое отчество с окончанием «вичем», что в то время считалось большим отличием.

Царь Федор Иванович был человеком небольшого роста, опухший, бледный и болезненный. Он нередко пользовался советами доктора Марка Ридлея – бывшего английского придворного врача, человека весьма ученого и опытного. Но, главным образом, сын Ивана Грозного искал исцеления у святых икон и мощей святых подвижников.

Доктора должны были сами готовить лекарства. Лекарственные же вещества приобретались в семенных, зеленых и медовых торговых рядах. С приездом в Москву в 1581 году Джеймса Френчама была устроена первая в России аптека. Ею заведовал один из ближних бояр, и она была для нужд царя и его семейства, но довольно скоро из нее стали выдавать лекарства и боярам. Простой же народ покупал лекарственные травы, корни и мази в лавках Зеленого ряда.

В 1673 году при Гостином дворе была открыта так называемая Новая аптека Гутменша, а в 1682 году у Никитских ворот, рядом с первым гражданским госпиталем третья аптека «для того, чтобы со всяким рецептом ходить в город неудобно».

В документах XVII века неоднократно упоминаются аптекарские сады или аптечные огороды. Здесь под наблюдением иностранных *ботаников-огородников* рядом с лекарственными растениями росли ягодные кусты и плодовые деревья. Когда осенью 1661 года создавали «новый аптекарский двор, что у Каменного моста», то сажали там черную, белую и красную смородину, вишню и сливу, для чего были взяты саженцы из частного сада Никиты Ивановича Романова, в котором также росли «аптекарские всякие травы».

Аптекарские сады и огороды служили не только для разведения лекарственных растений, но и для приготовления здесь же самих лекарств, для чего имелись специальные фармацевтические лаборатории.

Знахарь

В 1701 году император Петр I издал указ о закрытии всех зеленых лавок, торгующих лекарствами, и о даровании права открытия и содержания вольных аптек всем желающим.

Но простолюдины больше полагались на народную медицину. Француз Маржерет подметил, что если русский человек чувствует себя больным, то выпивает хорошую чарку вина, всыпав в нее предварительно заряд ружейного пороха или толченого чеснока, а затем немедленно идет в баню, где потеет два-три часа.

В XVII веке число врачей увеличивается. При царе Алексее Михайловиче на русскую службу было принято несколько десятков докторов, аптекарей и алхимиков, главным образом англичан и немцев. В большом количестве стали появляться лица низшего медицинского образования – лекари. Современники так разделяли их: «Дохтур совет свой дает и приказывает, а сам тому неискусен, а лекарь прикладывает и лекарством лечит, а сам ненаучен, а обтекарь у них у обеих повар». То есть, доктор – теоретик, лекарь – практик.

По прибытию в Москву иноземный врач посещал сначала Посольский, а затем Аптекарский приказ. Он должен был предъявить свой диплом и рекомендательные письма от коронованных особ или коллегии врачей и приводился к присяге.

Иностранцы врачи сначала ходили по Москве в русском платье. Но после того, как однажды патриарх по ошибке благословил и иностранцев, последним было запрещено носить русское платье. И хотя их никто не принуждал к русской вере, они молились в лютеранских и реформатских храмах, дома им приходилось развешивать православные иконы, иначе никто из русских к ним бы не заходил, да и прислугу невозможно было бы нанять.

Начало хирургии в России следует отнести к 1706 году, когда в Москве были основаны госпиталь и медико-хирургическое училище, которые возглавил Николай Бидлоо. Петр I поддержал это начинание. И немудрено, ведь император имел склонность к хирургии и, наряду с математическими инструментами, носил при себе два ланцета для кровопускания, анатомический нож и клещи для выдергивания зубов. Известно несколько случаев, когда государь весьма успешно производил на людях несложные хирургические операции.

В медико-хирургическом училище преподавание велось исключительно на латинском языке, и лишь в 1764 году было разрешено читать лекции на русском и немецком языках. Но здесь воспитанники получали только самые элементарные знания и навыки. Докторами же медицины на протяжении всего XVIII столетия могли стать или иностранцы, или русские, получившие образование в европейских университетах.

Москвичи же в своем подавляющем большинстве продолжали лечиться, как и век, и два назад. Захворает барин, привяжет к голове мякиш черного хлеба, вымоченного в квасе, нюхает беспрестанно хрен, а пучок своих волос зарывает под калиткой. И ждет, что вот-вот головную боль как рукой снимет. Родня, ключницы, дворники, приживалки – все собираются на консилиум. Как лечить барина?... Дуют, заговаривают, поят зельем с нашептыванием, зарывают в землю записочки.

Развитие русской медицины как науки, а не волхования, началось в Москве, да и во всей России с основанием Московского университета. Третий его факультет, открытый в 1758 году, был медицинский. Здесь в 1764 году профессор Эразмус открыл «кафедру анатомии, хирургии и повивального искусства». Обучение длилось от пяти до десяти лет. Большинство студентов происходили из духовного сословия. К сожалению, до конца XVIII века преподавание велось, главным образом, умозрительно. Лишь в 1787 году при Московском военном госпитале была открыта клиническая палата на десять коек, которую обслуживали университетские студенты и преподаватели. В 1791 году университет получил право возводить выпускников в степень доктора медицины. Но совершенствоваться во врачебном искусстве выпускникам все равно приходилось в заграничных учебных заведениях. Знаменитый хирург Н. И. Пирогов вспоминал, что за все время своего обучения на медицинском факультете Московского университета ему не пришлось вскрыть ни одного мускула даже у трупа: «Хирургия – предмет, которым я почти вовсе не занимался в Москве, – была для меня в то время наукой неприглядною и вовсе непонятною. Об упражнениях в операциях над трупами не было и помину. Из операций над живыми мне случилось видеть только несколько раз литотомию⁶ у детей и только однажды видел ампутированную голень. Перед лекарским

⁶ Литотомия — операция по извлечению камней из мочевого пузыря.

экзаменом нужно было описать на словах и на бумаге какую-нибудь операцию на латинском языке, и только!»

Получил практические навыки хирурга Пирогов лишь в Дерптском университете...

Московский врач Матвей Мудров подметил, что медицина на Руси издревле – народная, благотворительная, а заезжие лекари-иностранцы сделали ее одной из самых высокооплачиваемых профессий в обеих русских столицах. Врач стал предметом роскоши, доступной лишь немногим. Необходимо было вырастить собственных врачей, в совершенстве владеющих медицинской наукой, бескорыстных и трудолюбивых.

– Научитесь прежде всего лечить нищих, – учил Мудров с кафедры Московского университета, – вытвердите фармакопею бедных; вооружитесь против их болезней домашними снадобьями: углем, сажей, золой, травами, кореньями, холодной и теплой водой; употребите в пользу бедных ваших больных стихии – огонь, воздух, воду, землю – пособия, никаких издержек не требующие, и к этому приличную пищу и питье, ибо бедность не позволяет покупать лекарства из аптеки...

Мудров создал при университете анатомический театр, возглавил строительство Клинического и Медицинского институтов, после пожара 1812 года отдал свою медицинскую библиотеку в общественное пользование. Он поднял преподавание медицины почти до уровня западноевропейского, упорядочил составление и ведение истории болезни, учил лечить не болезнь как таковую, а отдельно каждого больного, словом и делом постоянно доказывал, что врачу мало одной книжной науки, ему необходимы врачебное искусство, постоянная практика, умение исцелять.

– Должно исследовать настоящее положение болезни, – наставлял он учеников, – искать в больном, где она избрала себе ложе. Для сего нужно врачу пробежать все части тела больного, начиная с головы до ног, а именно – первое всего надобно уловить наружный вид больного и положение его тела, а затем исследовать душевные, зависящие от мозга состояние ума, тоску, сон; взглядеться в лицо его, глаза, лоб, щеки, рот и нос, на коих часто, как на картине, печатлеется и даже живописуется образ болезни. Надо смотреть и осознать язык, как вывеску желудка, спросить о позывах к пище и питью и к каким именно, внимать силе голоса и ответов, видеть и слышать дыхание груди его и вычислить биение сердца и жил с дыханием. И вот врач, раб природы и слуга больного, делается наконец повелителем болезни!..

Мудров основал русскую терапевтическую школу. У него было немало последователей, но нужда во врачебном искусстве стремительно росла, и многие недобросовестные эскулапы в погоне за деньгами наводнили Москву. Характеристику московских врачей дал в 1841 году в журнале «Москвитянин» Г. И. Сокольский:

«Кто такое есть практический врач в Москве? Вот кто:

1. Кто занимается исключительно лечением больных.
2. Кто имеет довольно больных.
3. Кто имеет известных больных.

Но из этих данных никак нельзя сделать выгодной дедукции в пользу того, что он дельный и знающий врач. Все лечение городское, сколько его я мог постигнуть здесь за пять лет, состоит частью в забаве больных, частью в разъездах, оставляющих ум везомого в состоянии полного бездействия, и наконец самую малую часть в припадочном лечении. Ничтожность такого занятия увеличивается по мере известности врача и находится всегда в прямом содержании к ней. Известность получивший врач ищет случая быть только на консультациях, которые и прибыльнее, и легче для него. Самое же лечение, настоящий долг и труд врача, он предоставляет другим, малоизвестным врачам, которые по сущей правде работают в Москве наподобие волов... Слово «известность» есть двух родов: одна происходит от истинного таланта, образованности врача, и приобретает это медленно, но прочно и обширно. Другая рождается от случая и распространяется очень скоро и непрочно. Известность второго рода

более нравится, потому что она легка, весела и без доходов. Достаточность больных есть также необходимый атрибут сего звания. Причина понятна. При таком занятии придет ли в голову наука? Достанет ли терпения рыться в трупах? Заглянуть в летописи медицины?..»

Здание глазной больницы на Тверской улице

О том, как протекало лечение в середине XIX века в домах богатых москвичей, рассказывает в своих воспоминаниях Н. В. Давыдов:

«Температуру не измеряли еще, а дело ограничивалось прощупыванием лба, осмотром языка и выслушиванием пульса. К знаменитостям (в Москве славились тогда доктора Овер и Альфонский) обращались в крайних случаях, а показавшийся нездоровым субъект осматривался домашним доктором, приезжавшим в определенные дни и часы, также как часовщик для завода столовых и стенных часов, и подвергался лечению, не обходившемуся никогда (увы!) без касторового масла, а затем, глядя по болезни, укладывался в постель. А если болело горло, то на шею навязывалась тряпочка с зеленой, очень пахучей мазью, а то на грудь клалась синяя (в которую завертывали «сахарные головы») сахарная бумага, проколотая и обкапанная свечным салом. Давалось прогонное в виде настоя из липового цвета, сухой малины или земляники. Прибегали, к ужасу детей, к страшным мольеровским инструментам, клались на голову мокрые компрессы, а на руки и ноги горчичники... Болезни тогда, очевидно, в соответствии со степенью развития врачебной науки, были более просты. Дети обычно хворали перемежающейся лихорадкой, горловыми болезнями, желудочными, а иногда и горячкою».

Александр Иванович Овер, о котором упомянул Н. В. Давыдов, был самым модным, а значит, и дорогим врачом в Москве середины XIX века. Немало богатых людей старались поселиться возле его дома, а летом снять дачу в Петровском парке, тоже рядом с ним, уверившись в непогрешимости диагноза Александра Ивановича и его умении вылечить любого больного. За визит ему в великосветских домах платили по десять-пятнадцать рублей, заискивали на виду, а за глаза судачили, какой он скряга и богач.

Под предлогом лечения Овера часто приглашали лишь для того, чтобы лицезреть его. Во-первых, он был красавец, во-вторых, – француз. Изящный господин с манерами знатного барина, с черными как смоль бакенбардами, плечистый и складный, всегда элегантно одетый и надушенный, мастер легкого разговора и даже, что невероятно в среде врачей, камергер двора его императорского величества. Дамы сходили с ума от одного его вида и не жалели ассигнаций ради визита к ним врачебного светила. Овер же, как посмеивались аптекари, которым мнимые больные приносили его рецепты, прописывал притворщицам перегнанную воду с малиновым или вишневым сиропом или невинные порошки.

Но была и другая сторона деятельности знаменитого врача. Он провел сотни блестящих хирургических операций, тысячам настоящим больным поставил правильный диагноз, издал выдающийся научный медицинский труд, был талантливым лектором в Московском университете. Сплетники и завистники упрекали его за богатство и скупость. Но своей популярности он достиг упорным добросовестным трудом, знаниями и дарованием. После его смерти обнаружилось, что он помогал многим бедным, положив одним от себя пансион и выдавая другим единовременное пособие. Многих неимущих он лечил бесплатно, устраивал в богадельни. И таких врачей, может быть, не столь знаменитых, но столь же трудолюбивых и знающих, в Москве с каждым годом становилось все больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.